

Дракула

—

Брэм Стокер

Яркие страницы

Брэм Стокер

Дракула

«ЭКСМО»

1897

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

Стокер Б.

Дракула / Б. Стокер — «Эксмо», 1897 — (Яркие страницы)

ISBN 978-5-04-163422-3

Главное детище Брэма Стокера, вампир-аристократ, ставший эталоном для последующих сочинений, причина массового увлечения «вампирическим» мифом и получивший массовое же воплощение – от литературы до аниме и видеоигр. Культовый роман о вампирах, супербестселлер всех времен и народов. В кропотливой исследовательской работе над ним Стокер провел восемь лет, изучал европейский и в особенности ирландский фольклор, мифы, предания и любые упоминания о вампирах и кровососах. «Дракула» был написан еще в 1897 году и с тех пор выдержал множество переизданий. Его неоднократно экранизировали, в том числе такой мэтр кинематографа, как Фрэнсис Форд Коппола. «...прочел я «Вампира — графа Дракула». Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т.д. <...> Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня, наконец, прочесть ее». А. А. Блок из письма Е. П. Иванову от 3 сентября 1908 г.

УДК 821.111-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-163422-3

© Стокер Б., 1897

© Эксмо, 1897

Содержание

Брэм Стокер и его романы: «Дракула»[1] и «Сокровище семи звезд»	6
Дракула	16
Глава I	18
Глава II	26
Глава III	34
Глава IV	42
Глава V	50
Глава VI	56
Глава VII	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Брэм Стокер

Дракула

Bram Stoker DRACULA

Предисловие, комментарии и перевод с английского Т. Красавченко

Оформление серии Степана Костецкого

Рисунок на переплете: JJs / Alamy / Legion Media.

Серия «Яркие страницы»

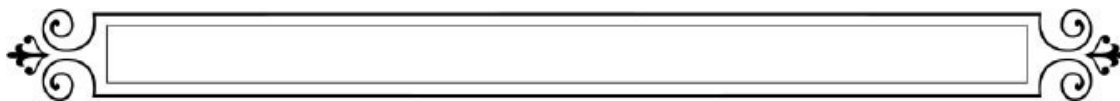
© Красавченко Т., перевод, предисловие, комментарии, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Брэм Стокер и его романы: «Дракула»¹ и «Сокровище семи звезд»

Вместе с романом Брэма Стокера «Дракула», опубликованным в 1897 году, в западную культуру вошел образ необычайной символической силы, органично вписавшийся в мифологию XX столетия. С начала XX века не прекращаются переиздания романа, ставшего бестселлером. Он переведен на многие языки мира. После 1922 года, когда немецкий режиссер Ф. Мурнау поставил по роману первый фильм ужасов, начинается кинематографическая «эпидемия» «Дракулы». Создано уже более ста киноверсий приключений графа и его двойников (среди них фильмы известных режиссеров – Романа Полански, Вернера Херцога, Фрэнсиса Форда Копполы²).

Дракула сошел со страниц романа и начал самостоятельную жизнь в массовом сознании, возник один из самых популярных мифов XX века – миф о вампиризме. Все это несколько затмило первоисточник – роман Брэма Стокера.

Тем не менее это произведение английской литературной классики, возможно, – самый значительный «роман ужасов» на английском, да и не только на английском языке.

Но если персонаж – Дракула затмил роман, то в еще большей тени оказался его создатель. В сущности, Стокер, как справедливо заметил один из его биографов, наименее известный автор одной из самых знаменитых книг.

* * *

О Брэме (полное имя Абрахам) Стокере действительно известно немного. Родился он 8 ноября 1847 года в Клонтарфе, к северу от Дублина, в многодетной семье (он был третьим из семи детей) скромного, нечестливого ирландского чиновника. До семи лет Брэм был прикован к постели – не мог ходить, почему – так и не удалось установить, но, судя по его полному выздоровлению в дальнейшем, спортивным успехам в школе и особенно в университете, вероятно, причина болезни была скорее психическая, чем физическая. В дальнейшем Стокеру, как и многим людям, пережившим в детстве тяжелую болезнь, свойственна невероятная жажда жизни, деятельности, желание быть в центре событий.

Выходец из протестантской семьи (в Ирландии, тогда входившей целиком в Великобританию, преобладал католицизм), он учился в Дублине в протестантском Тринити-колледже, который окончил с отличием по курсу математики. Необходимость помочь родителям, испытывавшим материальные затруднения, заставила его пойти по стопам отца – стать чиновником, а также давать уроки. Едва ли это было подходящее приложение сил для энергичного Брэма. Он получил степень магистра искусств, возглавил историческое общество в своем колледже, начал писать рассказы (первый из них был опубликован в 1872 г.), стал театральным рецензентом дублинской газеты «Ивнинг Мейл».

Еще студентом в Королевском театре Дублина он впервые увидел приехавшего на гастроль актера Генри Ирвинга (для англичан в XIX веке этот актер был тем же, кем Лоуренс

¹ Перевод романа осуществлен по изданию: *Stoker B. The annotated Dracula. Introduction, Notes, and Bibliography by L. Wolf.* N. Y: Clarkson N. Potter, Inc., 1975. (прим. переводчика)

² В фильме Копполы роль Ван Хелсинга сыграл замечательный английский актер Энтони Хопкинс.

Оливье – в XX веке). Десять лет спустя Ирвинг вновь выступил в Дублине в «Гамлете». Стокер опубликовал в «Ивнинг Мейл» восторженную рецензию и был приглашен Ирвингом за кулисы. Началась их многолетняя дружба, определившая ход дальнейшей жизни Стокера. В декабре 1878 года Стокер принял предложение Ирвинга стать директором-распорядителем его театра «Лицей» и с радостью оставил чиновничью службу. Он женился на девятнадцатилетней дублинской красавице Флоренс Балкомб (среди ее отвергнутых поклонников был Оскар Уайльд), молодая чета переехала в Лондон, где поселилась в модном районе Челси. А через год у них появился единственный сын Ноэл.

Театральная жизнь захватила Стокера. Помимо управления повседневным бытом театра, он организовывал гастрели в провинцию, несколько раз в Америку и Канаду. Он целыми днями пропадал в театре, что позволило позднее одному из критиков пошутить: дескать, Стокер больше женат на Ирвинге, чем на Флоренс. Он не мог сосредоточиться на своих литературных произведениях, отработать их, порой в них видны следы рассеянности, небрежности, встречаются несообразности, которые, тем не менее, не влияют на впечатление в целом, но порой у внимательного читателя могут вызвать недоумение.

Очевидно, что на протяжении всей жизни Стокеру было свойственно почти мальчишеское восхищение сильными и знаменитыми, что явно проступает в его мемуарах. По воспоминаниям сына Ирвинга, Лоуренса, общение со знаменитостями не просто льстило Стокеру, оно придавало ему уверенность в себе, служило источником вдохновения, энергии. Будучи физически сильным человеком, он, однако, не обладал сильным характером, его жизнь определяли другие, более сильные люди – сначала мать, затем Ирвинг. После его внезапной смерти в 1905 году Стокер растерялся – на 58-м году жизни он оказался без постоянного дохода. Попробовал вести коммерческие дела американской певицы, но из этого ничего не вышло; тогда он стал зарабатывать пером.

Он продолжал участвовать в светской жизни, присутствовал на свадьбе Уинстона Черчилля, но состояние его здоровья ухудшалось. После смерти Ирвинга с ним случился удар, стало слабеть зрение. 20 апреля 1912 года Брэм Стокер умер в Лондоне в возрасте 64 лет. Его смерть осталась почти незамеченной на фоне трагических известий о гибели «Титаника». Некролог напечатала лишь газета «Таймс». О Стокере говорилось в основном в связи с Ирвингом, в тени которого он жил и умер, и лишь вскользь – как о мастере «страшной, бросающей в дрожь прозы».

Из его восемнадцати книг лишь три, наряду с «Дракулой», были «романами ужасов»: «Сокровище семи звезд» (1903), «Леди в саване» (1909), «Логово белого ящера» (в других переводах «Логово белого червя», 1911). В основном он писал сентиментальные романы, а известность получил как автор двухтомника «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» (1906) и книги «Знаменитые обманщики» (1910), куда, помимо рассказов о самозванцах, мошенниках, колдунах, ведьмах, вошли рассказы об австрийском враче Ф. Месмере, разработавшем учение о «животном магнетизме», излечивающем болезни. В 1914 году вдова Стокера опубликовала книгу ««Гость Дракулы» и другие странные рассказы», где были представлены и главы, не вошедшие в роман.

* * *

Стокер – чиновник, театральный критик и администратор, юрист, писатель – был человеком своего времени, викторианским джентльменом, для которого хорошие манеры, соблюдение норм поведения, рыцарское отношение к женщине были основополагающими. Естественно возникает вопрос: как объяснить, что такой образцовый, благородный джентльмен был столь склонен к созданию «романов ужасов» и «страшных рассказов»? Но, видимо, не зря современники сравнивали «Дракулу» с «Удольфскими тайнами» королевы английского готи-

ческого романа Анны Радклиф. Как ни парадоксально, но именно в благопристойной и добропорядочной Англии расцвел в XVIII–XIX веках жанр «романа ужасов». Пожалуй, он и ныне живет там: ведь, скажем, детективы Агаты Кристи – это тоже его разновидности. Разве страшные тайны, кошмарные убийства не таятся за фасадами элегантных британских особняков и милых, уютных домиков, вдруг открываясь читателю?

Принято считать, что «готический роман» возник в XVIII веке как отклик на «политическую травму» кровавой Французской революции. В ужасе перед тем, что происходит у соседей и вполне может перекинуться на Британию (тем более прецедент уже был – первая европейская буржуазная революция XVII века в Англии подала Европе пример цареубийства), англичане начали усиленно культивировать этику самоконтроля, самодисциплины, кодекс «леди» и «джентльмена», особый вид цивилизованности в противовес хаосу, вульгарности, разгулу человеческих страстей. И преуспели в этом. Но как быть с естественными, страстными проявлениями человеческой природы? Подавляемые, загоняемые вглубь как нечто неподобающее, непристойное, пагубное, они накапливались исподволь и все равно неизбежно прорывались, в частности в литературе – в романах ужасов, в макабрическом мироощущении их авторов, обостренно чувствовавших противостояние светлых и темных начал человеческой природы, добра и зла в жизни.

Стокер хорошо знал готико-романтическую литературу, в частности Ч. Мэтьюрина, в романе которого «Мельмот-скиталец» (1820) герой подписал договор с дьяволом и осужден на вечную жизнь, «Ленору» Бюргера, «Старуху из Беркли» Р. Саути – о призраках, о ведьмах, пожирающих людей. Несомненно, была известна Стокеру и «вампирическая линия» готической прозы – «Вампир» Джона Полидори, «Варни-вампир, или Празднество крови» Дж. М. Раймера (Т. П. Преста), хотя едва ли они заслуживают особого внимания. От обычной «вампирической» прозы «Дракула» отличается прежде всего фольклорной и подлинной исторической основой.

Очевидно, сыграла свою роль восприимчивость Стокера к фольклору с детства, когда мать рассказывала ему ирландские легенды и мифы. Среди его дублинских знакомых были сэр и леди Уайльд, родители Оскара Уайльда, – знатоки и издатели ирландского фольклора. Среди источников романа Стокера – антология индийского фольклора о вампирах «Викрам и вампир», переведенная на английский его другом – востоковедом Ричардом Фрэнсисом Бёртоном, и «Золотая ветвь» (1890) Джорджа Фрейзера. Со своим старым другом Холлом Кейном, знатоком фольклора острова Мэн, интересовавшимся оккультными явлениями (ему посвящен «Дракула»), Стокер скоротал не одну ночь, обсуждая проблемы потустороннего мира.

В 1893 году Стокер отдыхал в Шотландии, в местечке Круден-Бей, на берегу Северного моря, где на краю обрыва стоял замок и открывался один из самых «готических» пейзажей в Британии. Местные жители, с которыми Стокер любил поговорить, были крайне суеверны. У них сохранялся обычай оставлять часть земли под паром, чтобы духи, посещавшие живых в определенное время года, могли воспользоваться диким овсом. Стараясь отвести их от дома, им выставляли еду, козье молоко, зажигали огни. Боязнь «живых мертвецов» заставляла жителей запирали кошек и кур перед похоронами на случай, если среди них окажутся злые духи. Чтобы покойный не возвращался домой, его везли на кладбище окольными путями, а часть еды, заготовленной на поминки, откладывалась, чтобы поддержать отошедшую душу на ее пути в мир иной. На глаза клали медяки, на грудь – соль в мешочке, зеркала завешивали. После посещения Круден-Бей тема возвращения мертвых, тревожащих живых, стала постоянной в творчестве Стокера.

Воздействовала на Стокера и реальность. Среди его лондонских соседей был известный поэт и художник Данте Габриэль Россетти, жена которого Элизабет Сиддел умерла в 1862 году, приняв слишком большую дозу настойки опия. Ее похоронили на Хайгейтском кладбище вместе с рукописным томиком стихов, посвященным ей мужем и завернутым в ее золотистые волосы. Семь лет спустя он захотел вернуть стихи, и осенним вечером 1869 года друзья рас-

копали могилу при свете фонарей. Труп почти не изменился, золотистые волосы заполняли гроб. Этот эпизод произвел сильное впечатление на Стокера и наложил отпечаток на кладбищенские сцены в «Дракуле».

А осенью 1888 года Лондон, напуганный кровавыми преступлениями Джека-потрошителя, был охвачен паникой: лондонцы почувствовали запах крови, в газетах замелькали сравнения с вампирами.

* * *

Предполагается, что писатель был членом магического Ордена – «Золотая Заря», оккультной организации (или, по крайней мере, близок к его окружению), существовавшей в Великобритании во второй половине XIX – начале XX века, практиковавшей теургию, магию, алхимию. Возможно, что в «Дракуле» Стокер видел не «роман ужасов», а произведение, содержащее сложную систему оккультных символов, воплощающих сокровенный смысл истории о вампире.

* * *

Стокер побывал во всех описанных в «Дракуле» местах, пожалуй, кроме Трансильвании. В августе 1890 года он был в Уитби. Надписи на могильных плитах в романе подлинные, фамилию старика – бывшего моряка писатель позаимствовал с одного из надгробий. Он говорил с местными жителями, слушал рассказы старых моряков о морских трагедиях, кораблекрушениях, просматривал метеорологические сводки, вахтенные журналы. В Уитби 24 октября 1885 года действительно произошло кораблекрушение русской шхуны «Димитрий». В библиотеке Уитби Стокер обнаружил «Описание провинций Валахия и Молдова» (1820) британского консула в Бухаресте Уильяма Уилкинсона, где говорилось и о валашском воеводе Дракуле. Писатель хорошо знал работы Эмили Лазовской-Джерард (книгу «Страна за лесами» и статью «Трансильванские суеверия» – об истории, народных обычаях и повседневной жизни в Трансильвании в 1880-е годы) и использовал их в первых главах романа.

Как и его герой Джонатан Харкер, Стокер работал в библиотеке Британского музея, собирая материалы о Трансильвании и Дракуле. Еще раньше, в апреле 1890 года, он познакомился с профессором Будапештского университета Арминием Вамбери, видным историком и востоковедом, ориентировавшим его на Трансильванию и Дракулу. Сама история Трансильвании, особенно времен Дракулы, превосходит все «романы ужасов», вымысел бледнеет перед реальностью.

При жизни Дракула был широко известен в Европе, но потом забыт. Когда Стокер написал свой роман, мало кто из его читателей знал, что существовал реальный Дракула. Историки довольно долго не могли осознать, что Дракула-злодей и Дракула, героически боровшийся с турками, – это одно и то же лицо.

Подлинный Дракула, Влад Цепеш, воевода Валахии в XV веке, послуживший прототипом героя романа Стокера, не был вампиром в буквальном смысле этого понятия, но в метафорическом – несомненно (слово «вампир» уже в XVIII веке использовалось в английском языке метафорически, как прозвище тирана, сосущего жизнь из людей): он был кровавейшим из европейских тиранов, позаимствовавшим у турок свой излюбленный вид пыток – сажание на кол. На его счету – около ста тысяч жертв, пятая часть населения Валахии того времени. Масштабам его злодеяний уступает даже Иван Грозный, с которым у него много общего.

Примечательно, что среди подлинных документов, сохранившихся с конца XV века, есть и русская история Дракулы, которую Н. М. Карамзин назвал «сказкой», являющейся, по сути, одним из ранних отечественных романов. Записал ее монах Ефросин из Кирилло-Белозер-

ского монастыря в 1490 году, скопировавший ее, по его словам, с другой рукописи. Автором ее был Федор Курицын, русский дипломат при венгерском дворе в 1480-е годы. Монах пишет, что более ранний автор видел одного из сыновей Дракулы. Но кто бы ни был более ранний автор, на него явно большее впечатление произвело вероотступничество Дракулы, переход его из православия в католицизм, чем его злодеяния. В рукописи Дракула представлен как «жестокый, но справедливый деспот», он жесток по критериям среднего, обычного человека, но все, совершенное им, необходимо для пользы государства. Рукопись была явно ориентирована на оправдание русского самодержца той поры – Ивана III. Так из глубины веков доносятся до нас столь знакомые аргументы.

* * *

Несмотря на то что Стокер не был в Трансильвании, он очень точно описал ее – и Бистрица, и ущелье Борго действительно существуют. Многие его поклонники повторяли путь одного из основных персонажей, Джонатана Гаркера, – из Клужа в Бистрицу, из Бистрицы в ущелье Борго – и пытались найти замок Дракулы, но безуспешно.

Американские историки Реймонд Макнелли и Раду Флореску, авторы нескольких книг о Дракуле, установили, что более всего описанию замка Дракулы в романе соответствует замок в Хунедоаре – Яноша Хуньяди, его старшего современника, знаменитого воеводы Трансильвании, регента Венгерского королевства, в 40–50-е годы XV века возглавившего борьбу с турецким игом в Юго-Восточной Европе. В этом замке, построенном в 1260 году и ныне восстановленном, Хуньяди принимал Дракулу как союзника и друга в 1452 году и как врага – в 1462-м. Со своими маленькими башенками, массивными стенами и поднимающимся мостом он кажется идеальным местом обитания Дракулы и вампиров.

Замок же самого Дракулы, точнее, его руины, Р. Макнелли и Р. Флореску нашли высоко над берегом реки Арджеш. В одной из старинных валашских хроник описано, как Дракула строил его: на Пасху, когда все жители его столицы Тырговиште – бояре, купцы, ремесленники – веселились, пировали, молодежь плясала, Дракула отдал распоряжение окружить бояр; всех стариков посадили на кол, а тех, кто помоложе – человек триста, – вместе с женами и детьми в праздничных одеждах погнали к реке Арджеш и заставили строить замок. Это были соотечественники Дракулы – валахи. Так Дракула убил сразу двух зайцев – разделался с политическими противниками и использовал даровой труд – исторические параллели напрашиваются сами собой. В 1462 году, после бегства Дракулы в Трансильванию, замок частично разрушили турки, а завершили разрушение землетрясения в 1913 и 1940 годах.

Дракула использовал и другие приемы политического террора, хотя Макнелли и Флореску приводят румынские предания о том, что иногда таким образом Дракула пытался внедрить в княжестве общественную мораль: порядок, дисциплину, честность.

Конечно, Дракула производит впечатление патологической личности. Но следует помнить, что он провел в тюрьме больше времени, чем на троне. Он попал в плен к туркам, когда ему было лет пятнадцать. Отца его убили. Брата похоронили заживо. Кузен, его друг, предал его. Он хорошо постиг науку унижений, предательства, рано понял, что человеческая жизнь стоит дешево. Его преследовали турки, венгры, немцы. Все это не оправдывает его, но помогает понять, что кровь рождает кровь, смерть – смерть.

Стокер позволил себе отклонение от исторической истины, сделав Дракулу выходцем не из Валахии, румынского княжества, а из Трансильвании, венгерской провинции. «Продвижение» Стокером Дракулы к северу – в Трансильванию – было, видимо, намеренным: у Трансильвании была репутация «земли вампиров», венгерский фольклор о вампирах был богаче румынского. Стокер читал также «Книгу об оборотнях» Сабина Бэринг-Гулда, содержащую описание жизни венгерской «кровавой графини» Елизаветы Батори (1560–1614), знаменитой

массовыми убийствами молодых девушек: она считала, что их кровь может вернуть ей молодость. Вероятно, одна из причин, по которым Стокер выбрал Трансильванию местом действия романа, состояла в том, что для большинства западных европейцев, особенно англичан, это буквально и символически неведомая «земля за лесами» (таков перевод слова «Трансильвания»), где может быть все, что угодно, в том числе и вампиры.

Фольклор о вампирах известен не только в Трансильвании, но и в Тибете, Индии, Северной Африке, на Борнео, в Японии, Северной и Южной Америке, Полинезии, Австралии, Непале... Легенды о мертвых, пьющих кровь живых и тем самым поддерживающих свою жизнь, присутствуют почти в каждой культуре. Понятие о вампиризме основано на вере в жизнь после смерти и в магическую силу крови как эликсира жизни. Самые древние источники о вампирах – на Востоке. Этимологически слово «вампир» связано с сербским «вампир», в России – «упырь» (именно таково название известной повести А. К. Толстого о вампире). В Центральной Европе, особенно в Трансильвании, которая несколько веков была полем борьбы между турками и христианами, языческое содержание легенды о вампире приобрело христианскую оболочку, что и привлекло Стокера, использовавшего это в своем романе.

Привлекла его и многозначность слова «Дракула», означавшего по-валашски не только дракона, но и дьявола. В пограничных румыно-немецких районах вампиров часто представляют как драконов-змеев. Совмещение образов дьявола и дракона в христианской мифологии, а этимологии «вампира» и «дьявола» в разных языках привело Стокера к отождествлению Дракулы с вампиром.

Кроме того, у Стокера были свои основания считать Влада Цепеша вампиром: ему отрубили голову, обычно так убивали вампиров; его могила в монастыре в Снагове оказалась пустой; возможно, он сам покинул ее. Стокеру было известно и предание о том, что Цепеш реально не умирал. Очень плохие люди (как писал еще Платон в трактате «Федон») обычно после смерти превращались в вампиров, а одержимость Цепеша кровопролитием, естественно, наводила на мысль о вампиризме.

* * *

Одна из причин, по которым «Дракула» стал классическим в жанре романа ужасов, – это мастерство изображения самого Дракулы. Остальные персонажи романа – смертные – рядом с ним выглядят бледновато. Никто из них ему не ровня, лишь все вместе они сильны и могут противостоять ему.

Дракула – орудие, ученик дьявола или сам дьявол, антихрист: Христос – скромный плотник, Дракула – тщеславный аристократ, Христос – источник света и надежды, он воскрес на рассвете, Дракула воскресает на заходе солнца, его стихия – тьма. Смерть распятого Христа стала началом его возрождения; для вампира быть пронзенным, «распятым» колом означает окончательную смерть и забвение. Христос отдал свою жизнь за других, Дракула забирает жизнь других, чтобы жить самому. Противостояние Христа и Дракулы очевидно: граф отшатывается от распятий, святых даров и других символов христианства. Возможно, одна из целей романа – утвердить существование Бога в век, когда ослабление христианской веры вызвало споры, что же ждет человека после смерти. Поиск бессмертия – в центре и другого знаменитого романа той поры – «Портрет Дориана Грея» (1891) Оскара Уайльда.

В подтексте романа Стокера – полемика с дарвинистами, сторонниками теории эволюции (прежде всего Т. Г. Гексли), проповедовавшими материализм, убежденными в том, что все сводимо к материи: нет Бога, нет и души, духовная деятельность эквивалентна деятельности мозга. Материализм противостоял самой сущности христианства, основанной на представлении о дуализме человека: физическая его оболочка смертна, душа бессмертна. Дракула – активный материалист, он предлагает человечеству бессмертие не души, а тела. Как и все вам-

пиры, он лишен души, его занимает только физическое бытие. Один из персонажей романа – «ученик» Дракулы Ренфилд – подражает ему и сосредоточен на бессмертии тела. В программе, предлагаемой Дракулой человечеству – превращении всех в вампиров, – представлен эволюционистский апокалипсис.

Девяностые годы XIX века, когда Стокер работал над «Дракулой», – время расцвета психоанализа, Фрейд начал свои исследования. Ныне критики настойчиво предлагают фрейдистские толкования романа, предварившего, по их мнению, попытки психоанализа раскрыть душу человека, проникнуть в ее тайны. Роман выводит на поверхность глубинные, темные страхи и желания человека, подтверждает важнейшее положение теории Фрейда: не следует пренебрегать эротическим началом как одним из источников психической энергии человека. Эротичны взаимоотношения героев с вампирами и сами вампиры, а отношения между людьми – Миной и ее мужем, Люси и тремя ее поклонниками – «одухотворены» до предела. В линии с вампирами проступает то, что англичане-викторианцы загоняли вглубь, подавляли. Вампиризм ассоциируется не только со смертью и бессмертием, но и с сексуальной стороной жизни человека, эротизмом.

То, что действие романа частично происходит в психиатрической лечебнице, а среди персонажей – практически два врача-психиатра, свидетельствует об интересе Стокера к подсознанию человека, пограничным и запредельным его состояниям. Как и другие персонажи готических романов, Дракула – воплощение зла, безумия, мучений, таящихся в самом человеке. Возможности и пределы человеческой психики, сумасшествие – эти темы занимают существенное место в романе. Один из его персонажей, ученый, доктор Авраам Ван Хелсинг (его порой считают подлинным героем романа, тем более что его имя совпадает с именем автора: Брэм – сокращение от Абрахэм), сочетающий научные занятия и ватиканские контакты, то есть основные начала западноевропейской цивилизации, замечает: «Все люди безумны в той или иной форме». Причину популярности Дракулы иногда видят именно в том, что люди опознают в нем скрытые глубины самих себя.

Обращают на себя внимание значащие имена в романе: например, «Мина», прочитанное наоборот, близко к латинскому «анима» – «душа», лорд Годаминг можно расшифровать как «Бог всемогущий» или «милостивый».

* * *

Часто ли история подтверждает оценку, данную матерью сыну? Но вот что писала Шарлотта Стокер своему сыну Брэму после выхода «Дракулы» в свет: «Мой дорогой, «Дракула» великолепен, он оставил на тысячи миль позади все, что ты написал прежде, и я чувствую, ты займешь высокое положение среди современных писателей... Ни одна книга после «Франкенштейна» миссис Шелли даже не приближалась к твоему роману по оригинальности или ужасу...»

Миссис Стокер была права: ее сын написал уникальную книгу.

Дракула, а вместе с ним и сам роман обретают предупреждающе-пророческое звучание в преддверии XX века с его ярко выраженными некрофильскими устремлениями, то есть тягой к смерти, разрушению, подавлению живого.

Более того, несмотря на победу Ван Хелсинга и его «команды», Брэм Стокер по-своему развенчивает XIX век (тут можно подставить XX, XXI век), о котором Осип Мандельштам в эссе «Деятнадцатый век» (1922) писал, цитируя Шарля Бодлера: «Шатром гигантских крыл он пригвожден к земле», имея в виду познавательные силы как гигантские крылья XIX века. Джонатан Гаркер, находясь в замке Дракулы в Трансильвании, в ужасе от того, что наблюдает, восклицает изумленно: «На дворе девятнадцатый век – век науки и прогресса!» Нечто подобное испытывают и его друзья, и великий ученый Ван Хелсинг, ибо, в сущности, в

романе, помимо всего прочего, происходит столкновение ограниченного радио человека, бесконечно стремящегося к познанию, с таинственным, мистическим, паранормальным, с Природой; роман напоминает о том, что так и остается неразгаданной главная загадка – смерть и то, что после нее.

* * *

В 1900-х годах роман Стокера неоднократно переводили в России. Александр Блок, прочитавший один из этих ранних переводов (возможно, 1902 г.), писал своему близкому другу, поэту Евгению Иванову 3 сентября 1908 года: «Во-первых, прочел я “Вампира – графа Дракула”. Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это – вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил, наконец, меня прочесть ее»³.

В сентябре 1908 года Блок в эссе «Солнце над Россией», опубликованном в московском символистском журнале «Золотое руно» к восьмидесятилетию Льва Толстого, писал о вампирических силах, таящихся в прошлом и настоящем России и подстерегающих ее лучших людей. От этого кошмара ее заслонял Лев Толстой как высшее воплощение жизненных сил, но и он был в опасности. Один из сквозных мотивов эссе – мотив упыря. Победоносцев, много навредивший Толстому, ухвативший «кормило государственного корабля на четверть века», стяжал себе, как пишет Блок, «своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий – имя старого “упыря”», теперь «старый упырь в могиле», но его чудовищная тень – по-прежнему нависает над Россией... Чья мертвая рука управляла пистолетами Дантеса и Мартынова? Кто пришел сосать кровь умирающего Гоголя?», и далее Блок пишет о Толстом, «величайшем и единственном гении современной Европы», «писателе великой чистоты и святости», и замечает, что за ним следит неусыпное око: министр ли, ведающий русской словесностью, сыщик или урядник...», и далее едва ли не прямая ссылка на Дракулу Стокера: «их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный глаз упыря»⁴.

По мнению философа, филолога, историка, политолога Вадима Цымбурского (1957–2009), автора талантливой статьи «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» (1990), впечатления от прочтения романа Стокера Блоком отразились в его цикле стихов «Чёрная кровь» (1909–1914).

И одним из источников стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах» (окт. 1913 г.) считают роман «Дракула» Брэма Стокера, а известного стихотворного цикла Михаила Кузмина «Форель разбивает лед» – кинофильм Ф. Мурнау «Носферату. Симфония ужаса»⁵.

* * *

В 1912–1913 годах в Санкт-Петербурге в приложении к популярному еженедельнику «Синий журнал» «Дракула» Стокера вышел в переводе Нины Сандровой (псевд. Надежды Яковлевны Гольдберг), но то ли помешали изъяны перевода, обилие по разным причинам купюр (например, исключение важного для романа монолога на йоркширском диалекте быв-

³ Письма Александра Блока к Е. П. Иванову. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.66.

⁴ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. С.92–93.

⁵ Лавров А. В. «Другая жизнь» в стихотворении А. Блока «Было то в темных Карпатах»// Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992; Прямые параллели в цикле Кузмина и в кинофильме установлены Р. Д. Тименчиком. См.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 176, 493.

шего моряка в Уитби), то ли он был не ко времени, однако у широкого круга читателей такого успеха, как на Западе, он не имел.

В советский период роман не только не издавали, его игнорировали даже в университетских курсах и академических историях английской литературы. Это можно объяснить по-разному. Вполне вероятно, и потому, что в государстве, тиражировавшем дракул на разных уровнях, символический образ «живого мертвеца» вызвал бы прямые ассоциации. Ну и, разумеется, сыграло свою охранительную роль официальное советское литературоведение с его филистерством и снобизмом, считавшее «Дракулу» не настоящей, «высокой», а массовой литературой, хотя, заметим, и Диккенса в свое время питала массовая культура.

В 1990 году «Дракула» Стокера в переводе Н. Сандровой (с дополнениями) был издан в Кишиневе с упомянутым послесловием В. Цымбурского, а в 1993 году новый перевод романа (автора этих строк) вышел в Москве в издательстве «Старт» тиражом 50 тысяч экземпляров; разошелся он мгновенно; можно было бы сказать, что он остался незамеченным – слишком политически бурным было время в России, но, судя по тому, как он неоднократно переиздавался и быстро исчезал с прилавков магазинов, читателя он явно обворожил – и было за что.

В довольно многочисленной «дракулиане» привлекают особое внимание упомянутое послесловие Вадима Цымбурского и своеобразный отклик на нее искусствоведа, теоретика кино и телевидения, философа Олега Аронсона.

По мнению В. Цымбурского, мифы о вампирах примиряли людей со смертью, психологически оправдывали смерть. Оппозиции «жизнь – смерть» противопоставлялась оппозиция «смерть – не-смерть», то есть боязнь смерти уступала ужасу перед бессмертным, вечным существованием вампира. Мифологическая фигура вампира объясняет человеку, почему он должен умереть, «внушается страх перед соблазнительной “вечной жизнью”»⁶.

Вместе с тем для Цымбурского как увлеченного геополитика в графе Дракуле, то есть его прототипе Владе Цепеше, актуализируются исторические мифы, в которых на первом плане оказывается не вампиризм, а мотивы возникновения Европы, противостоящей Османской империи, мифы политические, мифы государства и его границ, когда государство, оказавшись на границе с врагами, становится источником террора, воплощенного в фигуре Влада Цепеша. Стокер соединил графа Дракулу и его исторического прототипа Влада Цепеша, а Цымбурский уловил «политический след» будущего. Геополитика как вражда земель, вражда Запада и Востока находит в фигуре Дракулы иного, появляющегося из «зоны разлома цивилизации и культуры»⁷.

Согласно О. Аронсону, в романе Стокера описано возникновение нового способа восприятия. Роман создан в те же годы, что и «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда и «Материя и память» Анри Бергсона, ощущавших переориентацию мышления от «знаков культуры» к мышлению кинематографическими образами, опережая сам кинематограф. Таким образом, по мнению О. Аронсона, «Дракула» Стокера – феномен кинематографа до кинематографа. Но кинематограф как феномен искусства, более близкого массовой культуре, чем роман Стокера, гораздо больше подвержен увяданию, старению под воздействием времени.

* * *

«Сокровище семи звезд» – это также роман о «встрече» двух миров: Запада, то есть викторианской Англии, и Востока – Древнего Египта, о глубинном иррациональном притяжении,

⁶ Цымбурский В. «Граф Дракула», философия истории и Зигмунд Фрейд// Стокер Б. Вампир граф Дракула. Кишинев: Ада, 1990. С. 353.

⁷ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм// Синий диван. Философско-теоретический журнал. Вып. 15 (Сб. статей по теме вампиризма) / Сост. Елена Петровская. – М.: Три квадрата, 2010. С. 40.

которое испытывает западный человек, представитель рациональной культуры, к мистической культуре Востока.

Стокер был не первым, кто обратился к тайнам Древнего Египта и теме мумий. Возможно, ему был знаком рассказ знаменитого французского поэта и прозаика – романтика Теофиля Готье «Стопа мумии» (1840), герой которого в антикварной лавке покупает мумифицированную стопу древнеегипетской царевны, приносит ее домой, а вскоре за своей стопой к нему в дом является сама царевна. Тут явно переключка Готье и Стокера, в романе которого есть эпизод об украденной кисти мумии царицы Теры и о мистическом ее возвращении.

Трагическая концовка романа «Сокровище семи звезд», опубликованного в Лондоне в 1903 году, вызвала острую критику и при переиздании романа в Лондоне в 1912 году, по просьбе издателя, писатель изменил концовку на вполне возможный, хотя и не очень убедительный, happy end.

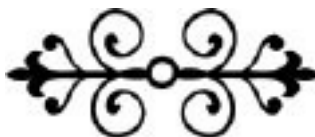
В первом, несколько туманном (но жанр это допускал) варианте концовки все персонажи, кроме повествователя – адвоката Малькольма Росса, погибли, результат «великого эксперимента» по воскрешению древнеегипетской царицы Теры был неясен: герою показалось, что в полной темноте проскользнуло что-то белое – возможно, воскресшая царица; остальных участников эксперимента он нашел на тех местах, которые они заняли в начале ритуала: они сидели или лежали на полу и с невыразимым ужасом смотрели куда-то вверх. Надеясь, что они в коме и очнутся, Росс открыл все ставни в пещере, и в нее ворвались свет и воздух, но это не помогло. Завершается роман пронзительной фразой: «Некое милосердие крылось в том, что я был избавлен от боли напрасной надежды».

Но и при первой, и при второй концовке итог, как и в «Дракуле», по сути, один и тот же: попытка человека с его ограниченным разумом познать мистические, таинственные, паранормальные формы бытия и его главную загадку – тайну смерти и возможного бессмертия – заканчивается поражением.

* * *

Оба романа Брэма Стокера – произведения, имеющие глубокие традиции в английской готической литературе, и не только в ней, не увядают со временем. Это захватывающее чтение, впечатляющее неожиданными, нетривиальными поворотами сюжета, эротическими подтекстами, изображением кошмаров и чудес, зыбкостью границ между жизнью и смертью, реальным и фантастическим, а в конце концов – обнажением прикрытой повседневной суетой первооснов бытия.

Татьяна Красавченко

Дракула

Дракула

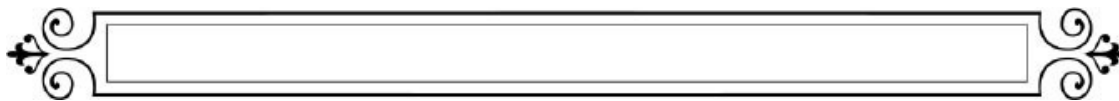
Роман

Моему дорогому другу Хомми-Бегу⁸

Прочитав книгу, вы поймете, как она складывалась. В ее основе – записи о непосредственно происходивших событиях, излагаемых с точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

⁸ Хомми-Бег, т. е. Маленький Томми – дружеское прозвище на мэнском диалекте английского романиста Холла Кейна (1853–1931), близкого друга Б. Стокера. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(сохранившийся в стенографической записи)

3 мая. Бистрица. Выехал из Мюнхена в 8.35 вечера, ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6.46 пришел на час позже. Поэтому в Будапеште время стоянки сильно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна же вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов⁹ через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург¹⁰, где я остановился в гостинице «Ройал»¹¹. На обед, или, вернее, на ужин, подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо, «паприка хендл», и в Карпатах его подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британского музея – полистал книги по Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надлежало вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей – Трансильвании, Молдавии и Буковины, в глубине Карпат – в одном из самых труднодоступных и малоизвестных мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, – до сих пор нет подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего британского Государственного картографического управления. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, – место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить – потом, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге – саксонцы вперемешку с потомками даков – валахами; на западе – мадьяры; на востоке и севере – секлеры. Я нахожусь среди секлеров, считающих себя потомками Аттилы и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами. Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность – эпицентр некоего водоворота фантазии. Если это действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

⁹ ... самый западный из великолепных мостов... – Мост графа Сечени, связывающий Буду и Пешт, строился почти 20 лет – с 1804 по 1873 г., считался чудом своего времени. (прим. переводчика)

¹⁰ Клаузенбург – город в Центральной Трансильвании. Ныне румынский город Клуж. (прим. переводчика)

¹¹ «Королевская».

Я спал плохо, и, хотя постель была довольно удобной, сны мне снились какие-то странные. Может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи: выпил целый графин воды и все равно хотел пить. Под утро я заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь – наверно, долго не могли добудиться. На завтрак вновь заказал паприку, мамалыгу – что-то вроде каши из кукурузной муки – и баклажаны, начиненные мясным фаршем, – замечательное блюдо, называется «имплетата». (Надо взять и его рецепт.) С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми; вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше удаляешься на Восток, тем менее точны поезда. Интересно, а как в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона прекрасными пейзажами. Мимо проносились городки и похожие на гравюры в старинных молитвенниках замки; судя по широким каменным берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки – только мощные потоки воды могут так очертить берега. На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах, другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов, на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех – нижние юбки. Но самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубашках и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожаных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, они совершенно безобидны, и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городе было много пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века городок выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек – убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась достаточно старомодной, что не могло не порадовать меня, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже не молодая женщина в традиционном крестьянском платье – белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

– Господин англичанин?

– Да, – ответил я, – Джонатан Харкер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому человеку в белом жилете, который тут же вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо...

«Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду Вас. Сегодня хорошо выпитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину; в нем Вам заказано место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит Вас ко мне. Надеюсь, Ваша поездка протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае окажется для Вас приятным.

Ваш Дракула».

4 мая. Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство – до этого он прекрасно понимал, по крайней мере отвечал на все мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил, что с письмом получил деньги и это все, что ему известно. На вопрос, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, он и его жена лишь перекрестились и от дальнейшего разговора постарались уклониться. Приближался час моего отъезда, и я уже не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и тревожило меня.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла жена хозяина и с волнением спросила:

– Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно – у меня важное дело, она спросила:

– Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

– Четвертое мая.

Она покачала головой:

– Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что это за день? – И, заметив мое недоумение, пояснила: – Канун святого Георгия. Неужели вам неизвестно, что сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда вы едете и что вас ждет?

Видно было, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Все это выглядело довольно нелепо, и тем не менее мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, чтобы помочь подняться, и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что должен ехать – это мой долг. Она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежал к англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав: «Носите его ради вашей матери», вышла из комнаты.

Веду дневник в ожидании дилижанса, который, конечно же, опаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передан страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной – не знаю, но на душе у меня беспокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс.

5 мая. Замок. Пасмурное утро сменилось ярким солнцем высоко над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов – издали не различишь. Спать не хочется, и, поскольку будить меня не станут, намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и мяса с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медиаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и все.

Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы – наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей – до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня порадовали: среди них были *ordog* – дьявол, *pokol* – ад, *stregoica* – ведьма, *vrolok* и *vlkoslak*, означающие что-то вроде оборотня или вампира. (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях.)

Дилижанс тронулся, все столпившиеся у входа в гостиницу – а к этому моменту народу собралось довольно много – перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. С трудом я добился от одного из попутчиков, что это значит; сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность, искреннее сочувствие этих людей меня тронули. Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестится, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на козлах, щелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками, и те дружно взяли с места.

Вскоре, любуясь красотами природы, я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык или, вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев – яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Дорога, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам холмов, как языки пламени, пролегалa меж зеленых холмов Mittelland¹², как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной быстротой. Тогда я не понимал причины этой гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы, так как мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господа¹³ предпочитали не чинить дороги, опасаясь, как бы турки не заподозрили их в намерении облегчить доступ войскам своих союзников, – это могло привести к развязыванию войны, на грани которой они постоянно находились.

За зелеными крутыми холмами Mittelland величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Они вздымались по обе стороны дороги, и заходящее солнце ярко освещало все великолепие красок этой прекрасной горной цепи: синие и пурпурные вершины, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдали, где царственно высились снежные вершины. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах заходящего солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма и после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:

– Посмотрите! Isten szek! Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

¹² Здесь: Средняя земля (нем.).

¹³ Правители Валахии и Молдавии с XV в. до 1866 г.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали сгущаться сумерки. Они особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали местных жителей – чехов и словаков – в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зобом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порой перед распрятиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, – казалось, они не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в новинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез, их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. Нам встречались *Leiterwagen* – примитивные, рассчитанные на ухабы крестьянские арбы. На них размещалось довольно много крестьян: чехов – в белых и словаков – в крашенных тулупах; словаки держали, как копыя, свои топоры с длиннющими топорщами.

Темнело, становилось холодно, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев – дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролежавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, темные ели четко вырисовывались на фоне залежавшегося снега. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и в темноте казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольно вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над долинами.

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести, но кучер об этом и слышать не хотел.

– Нет-нет, – возразил он, – вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. – И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: – Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды – чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом в темноте я увидел впереди полосу серого света – будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров возрастало; шаткая коляска подпрыгивала на высоких рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и, казалось, излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Несколько пассажиров предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно; подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопровождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал в гостинице в Бистрице, – дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. Мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозную атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но вокруг было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону, в их неверных лучах белым облаком подымался пар от загнанных лошадей. Перед нами свет-

лела песчаная дорога – и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг кучер, посмотрев на часы и обращаясь к другим пассажирам, тихо проговорил что-то; я не расслышал, что именно; кажется, это было: «На час раньше времени». Потом повернулся ко мне и сказал на плохом немецком:

– Нет никакой кареты. Похоже, господина не встречают. Ему лучше поехать с нами на Буковину, а вернуться завтра или послезавтра; лучше послезавтра.

Пока кучер говорил, лошади начали ржать, фыркать, вставать на дыбы – он изо всех сил удерживал их. Вдруг под крики то и дело крестившихся пассажиров нас догнала коляска, запряженная четверкой лошадей и, поравнявшись с нами, остановилась вплотную к дилижансу. Свет наших фонарей упал на коляску, и я увидел великолепных, породистых вороных. На козлах сидел высокий человек с длинной бородой, в широкой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Он повернулся к нам – я заметил лишь блеск его глаз, показавшихся мне красными в свете фонарей, – и сказал кучеру:

– Что-то ты сегодня рано, мой друг.

Кучер, запинаясь, ответил:

– Господин англичанин очень торопился.

На что незнакомец возразил:

– Поэтому ты, наверное, и советовал ему ехать на Буковину. Меня не обманешь, друг мой, слишком многое ведомо мне, да и лошади у меня быстрые.

Говоря это, он улыбался, и фонари освещали его жестко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих попутчиков прошептал соседу строку из «Леноры» Бюргера:

– Еще бы, «мертвые скачут быстро»!

Странный возница явно расслышал эти слова и взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осенил себя крестным знаменем и оттопырил два пальца.

– Подай мне багаж господина, – бросил возница кучеру, и мои вещи с чрезмерным рвением были перенесены из дилижанса в коляску.

Она стояла бок о бок с дилижансом, и возница помог мне перебраться в нее, подхватив меня под руку стальной хваткой; должно быть, он обладал необычайной силой. Не говоря ни слова, он тряхнул поводьями, лошади повернули, и мы помчались в темноту ущелья. Оглянувшись, я увидел поднимавшийся над лошадьми пар и на этом фоне моих недавних попутчиков – они крестились. Потом наш кучер щелкнул кнутом, прикрикнул на лошадей, и они стремглав понеслись по дороге на Буковину.

Когда дилижанс канул в темноте, я ощутил легкий озноб и приступ одиночества; но на мои плечи тут же был накинута плащ, на колени – плед, а возница обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

– Ночь холодна, сударь, а мой хозяин, граф, просил как можно лучше позаботиться о вас. Под сиденьем – фляжка со сливовицей, нашей национальной водкой, на случай если вы захотите согреться.

Я не стал пить ее, но было приятно сознавать, что живительная влага под рукой. Мне было не по себе – думаю, будь у меня хоть какой-то выбор, я бы теперь, конечно, воспользовался им и отказался от этого чреватого неизвестностью ночного путешествия.

Коляска неумолимо неслась вперед, потом мы круто развернулись и вновь помчались, никуда не сворачивая, по прямой дороге. Казалось, мы попросту кружим на месте; приметив один ориентир, я убедился, что прав. Хотел было спросить кучера, что это значит, но побоялся: в моем положении любой протест оказался бы бесполезен, если все это делалось умышленно. Вскоре я решил узнать, который час, зажег спичку и взглянул на часы – до полуночи оставалось несколько минут. Это весьма неприятно действовало на меня; свойственный людям

суеверный страх перед полночью лишь усилился после недавних впечатлений. Меня охватило неприятное предчувствие.

Где-то вдаль, на ферме, завывала собака – долгий протяжный вой, будто от страха. Ее поддерживала другая, затем еще одна и еще, пока их завывания, подхваченные поднявшимся в ущелье ветром, не слились в один дикий вой – казалось, выла вся огромная округа, насколько можно было представить ее себе во мраке ночи. Лошади, едва раздался вой, натянули поводья и встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя покрылись испариной и продолжали дрожать. Потом далеко в горах по обе стороны от нас раздался еще более громкий и пронзительный вой – волчий, он подействовал и на лошадей, и на меня: я готов был выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, а лошади взвились на дыбы и, как обезумевшие, рванулись вперед – вознице пришлось пустить в ход всю свою недюжинную силу, чтобы сдерживать их.

Однако через несколько минут вой уже не казался таким пугающим, да и лошади настолько успокоились, что возница смог сойти с коляски и встать перед ними. Он оглаживал их, успокаивал, шептал им что-то на ухо, как, я слышал, обычно поступают объездчики лошадей; эффект был поразительный – обласканные им лошади присмирели, хотя и продолжали дрожать. Возница вернулся на козлы, тронул поводья, и мы помчались вперед. На этот раз, заехав глубоко в ущелье, он вдруг свернул на узкую дорогу, которая вела резко вправо.

Вскоре мы въехали в чашу деревьев, которые нависали над дорогой, образуя арки, – мы оказались в своеобразном туннеле; а затем с двух сторон нас обступили хмурые утесы. Хотя мы были как в укрытии, до нас доносился шум разгулявшегося ветра, со стоном и свистом пронесившегося по утесам, ломавшего ветви деревьев. Становилось все холоднее; наконец пошел мелкий, словно крупа, снег, покрывший нас и все вокруг белым одеялом. Сильный ветер доносил до нас вой собак, по мере нашего удаления становившийся все слабее. Зато волки были все ближе; казалось, они нас окружали. Мне стало страшно, и лошади разделяли мой испуг. Возница же не выказывал никакой тревоги – знай себе поглядывал по сторонам, а я ничего не различал в темноте.

Вдруг слева мне привиделся слабый мерцающий голубой огонек. В тот же миг заметил его и возница; он сразу остановил лошадей и, спрыгнув на землю, исчез в темноте. Я не знал, что делать, тем более что вой волков приблизился; но, пока я недоумевал, мой провожатый вернулся и, не говоря ни слова, сел на свое место, и мы поехали дальше.

Я, должно быть, задремал, и мне все время снился этот эпизод: он повторялся много раз. И теперь, когда я вспоминаю нашу поездку, она мне кажется чудовищным кошмаром. Как-то раз голубой огонь возник так близко к дороге, что я смог в кромешной тьме, окутывавшей нас, разглядеть, что делал возница. Он быстро подошел к месту, где появился голубой огонь, видимо очень слабый, потому что почти не освещал ничего вокруг, и, собрав несколько камней, что-то соорудил из них. Другой раз наблюдался странный оптический эффект: возница, оказавшись между мной и огнем, не загородил его собой, я все так же, как бы сквозь него, видел призрачный голубой свет. Удивлению моему не было предела, но длилось это мгновение, и я решил, что тут какой-то обман зрения, вызванный напряженным всматриванием в темноту. Потом голубые огни на время исчезли, мы быстро ехали сквозь тьму под аккомпанемент воя волков, которые, казалось, преследовали нас.

Однажды кучер довольно далеко отошел от коляски, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и тревожно ржать. Я не мог понять причины – волчий вой совсем прекратился; вдруг при свете луны, которая появилась из-за темных облаков над зубчатым гребнем поросшего соснами холма, я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми клыками, свисающими красными языками, длинными мускулистыми лапами и грубой шерстью. В своем зловещем молчании они были во сто крат страшнее, нежели когда были. Страх парализовал меня. Лишь испытав такой ужас сам, человек способен понять, что это такое.

Вдруг волки опять завывали – будто лунный свет как-то особенно действовал на них. Лошади брыкались, вставали на дыбы, беспомощно косились по сторонам выкатившимися из орбит глазами – на них было больно смотреть; живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон, и вырваться они не могли. Я стал звать возницу, понимая, что единственный шанс спастись – с его помощью прорваться сквозь кольцо. Я кричал, стучал по коляске, надеясь шумом напугать волков и помочь моему провожатому пробраться к нам. Откуда он появился – не знаю: я услышал его голос, прозвучавший повелительно, потом увидел на дороге и его самого. Он простер руки вперед, как бы отстраняя невидимое препятствие, и волки начали медленно отступать. Но тут большое облако заволокло луну, и мы опять оказались в темноте.

Когда луна выглянула, я увидел возницу, взбиравшегося на сиденье; волков и след простыл. Все было так странно и жутко, что меня охватил безумный страх, я боялся говорить или двигаться. Мы мчались по дороге, теперь уже в кромешной тьме – клубящиеся облака совсем закрыли луну; казалось, конца этому не будет. Потом мы стали подниматься в гору, лишь изредка попадались спуски, но в основном дорога шла вверх. Вдруг я понял, что возница останавливает лошадей во дворе громадного полуразрушенного замка, его высокие окна были темны, а разбитые зубчатые стены неровной линией вырисовывались на фоне залитого лунным светом неба.

Глава II

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

5 мая. Я, должно быть, задремал, иначе наверняка не пропустил бы момент приближения к столь примечательному месту. Ночью двор выглядел обширным, несколько темных дорожек вели к просторным круглым аркам, возможно, поэтому он показался мне больше, чем на самом деле. Пока не знаю, как он выглядит при дневном свете.

Коляска остановилась, возница спрыгнул на землю и помог мне сойти. Я снова обратил внимание на его необычайную силу: не рука – настоящие стальные тиски; при желании он мог запросто раздавить мою. Вещи он поставил подле меня. Я стоял у громадной старой двери, обитой железными гвоздями и встроенной в дверной проем, сделанный в добротной каменной кладке. Даже при тусклом освещении был виден резной орнамент вокруг двери, полустершийся от времени и непогоды. Меж тем возница взобрался на козлы, дернул поводья, лошади тронулись, и экипаж скрылся под одним из темных сводов.

Я не знал, что делать. На двери не было никаких признаков звонка или дверного молотка; едва ли мой голос смог бы проникнуть сквозь эти угрюмые стены и темные оконные проемы. Мне казалось, я провел там целую вечность, сомнения и страхи одолевали меня. Куда я попал? К каким людям? В какую странную историю впутался? Что это? Обычное приключение в жизни помощника стряпчего¹⁴, отправленного к иностранцу для разъяснения правил приобретения дома в Лондоне? Помощник стряпчего! Мне это не понравилось бы. Впрочем, ведь уже и не помощник: перед самым отъездом из Лондона я узнал, что успешно выдержал экзамены и стал полноценным стряпчим!

Я потер глаза, ущипнул себя и убедился, что не сплю. Все пережитое показалось мне чудовищным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома на рассвете усталым, разбитым, как бывало после дня напряженной работы. Но я щипал себя наяву, и глаза мои меня не обманывали: я находился все-таки в Карпатах. Оставалось лишь запастись терпением и ждать наступления утра.

Только я пришел к этому выводу, как услышал тяжелые шаги за дверью и увидел сквозь щели мерцание света. Затем раздался звук гремящих цепей, заскрежетали массивные засовы, с резким скрипом повернулся в замочной скважине ключ – им явно давно не пользовались, – и громадная дверь медленно отворилась...

На пороге стоял высокий бледный старик с длинными седыми усами, с головы до ног в черном. В руке он держал старинную серебряную лампу, пламя в ней не было прикрыто стеклом или абажуром и отбрасывало длинные дрожащие тени, колеблясь от сквозняка. Изысканным жестом руки старик пригласил меня войти и сказал на прекрасном английском языке со странной интонацией:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, по своей воле!¹⁵

¹⁴ ... помощника стряпчего... – В британской юридической практике два вида адвокатов: стряпчий консультирует клиентов, подготавливает дела для барристера (выступающего в высших судах) и имеет право выступать в низших судах. (прим. переводчика)

¹⁵ Входите смело, по своей воле! – Стокер основывается на традиции, по которой дьявол может творить свои дела только с согласия «клиентов» (см. «Фауста» Гёте, «Кристабель» Колриджа). (прим. переводчика)

Он не вышел мне навстречу, а замер, как статуя, будто жест приветствия парализовал его. Но едва я переступил порог, как он тотчас бросился ко мне и сжал мою руку с такой силой, что я содрогнулся; рука его была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека.

Старик повторил:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело и поделитесь с нами хоть малой толикой своего счастья!

Его рука была столь же сильной, как и у возницы, лица которого мне так и не удалось разглядеть, и потому меня вновь охватили сомнения: не с тем же ли самым человеком разговариваю. Чтобы рассеять подозрения, я спросил:

– Граф Дракула?

Он учтиво поклонился:

– Я – Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Заходите – ночь холодная, вам нужно поесть и отдохнуть.

С этими словами старик повесил лампу на крючок в стене, шагнул за порог, взял мой багаж и внес его в дом, прежде чем я успел воспрепятствовать ему. Я все же попытался протестовать, но он твердо сказал:

– Нет, сударь, вы – мой гость. Уже поздно, слуги спят. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Старик понес мои вещи по коридору, а затем наверх по большой винтовой лестнице и вновь по длинному коридору, на каменном полу которого гулко отдавались наши шаги. В конце коридора он распахнул тяжелую дверь, и я обрадовался, увидев ярко освещенную комнату, в которой стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине ярко горели и потрескивали поленья.

Граф поставил мои вещи, закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, открыл другую дверь – в маленькое восьмиугольное помещение, освещенное единственной лампой и, по-видимому, лишенное окон. Миновав его, он открыл третью дверь и пригласил меня войти в следующую комнату. Она мне очень понравилась. Это была просторная спальня, прекрасно освещенная и отапливаемая камином, в котором пылал огонь, разведенный, судя по всему, недавно; из дымохода доносился монотонный гул.

Граф внес мой багаж и вышел; закрывая дверь, он сказал:

– После дороги вы, конечно, захотите освежиться, переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое; когда будете готовы, приходите в соседнюю комнату ужинать.

Свет, тепло и любезность графа рассеяли мои сомнения и страхи. Обретя душевное равновесие, я вдруг понял, что очень голоден, и, быстро переодевшись, поспешил в соседнюю комнату.

Ужин был уже на столе. Хозяин стоял у края камина, облокотившись на его каменный выступ; жестом пригласив меня к столу, он сказал:

– Прошу вас, садитесь, поужинайте в свое удовольствие. Надеюсь, вы извините меня – я не составлю вам компанию: я обедал и обычно не ужинаю.

Я вручил ему письмо, которое дал мне мистер Хокинс. Граф вскрыл его, внимательно прочитал и с любезной улыбкой передал мне. Одно место в нем было мне особенно приятно: «Очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно страдаю, исключает для меня возможность любых путешествий в ближайшем будущем. Но я рад, что могу послать достойного заместителя, которому совершенно доверяю. Это энергичный, способный и надежный молодой человек. Несмотря на молодость, он осмотрителен и сдержан, работает у меня давно и хорошо знает дело. Во время своего пребывания у вас он будет всемерно помогать вам в ведении ваших дел и выполнит все ваши поручения».

Граф подошел к столу, снял крышку с блюда, и я немедленно принялся за прекрасно зажаренного цыпленка. К нему добавились сыр, салат и бутылка старого токайского вина – я выпил пару бокалов; таков был мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о путешествии, и постепенно я рассказал ему все, что пережил. Закончив ужин, я по приглашению графа придвинул свой стул к огню и закурил предложенную сигару, сам же хозяин дома извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его. Внешность графа, несомненно, заслуживала внимания.

Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редющие на висках, нависшие, кустистые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое, в столь странном впечатлении были повинны и зубы – очень острые белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста. Я заметил, что у графа характерные, заостренные кверху уши, широкий и энергичный подбородок, щеки впалые, но не дряблые. Основное впечатление – поразительная бледность лица.

Издали при свете огня его руки, лежавшие на коленях, выглядели белыми и изящными, а вблизи оказались грубыми – широкими, с короткими толстыми пальцами. Странно, на его ладонях росли волосы! Ногти – тонкие, длинные, заостренные. Когда граф наклонился и дотронулся до меня рукой, я невольно содрогнулся, почувствовав – не знаю отчего – сильное отращивание, и, как ни старался, не мог его скрыть. Граф, очевидно заметив это, отодвинулся и с угрюмой улыбкой, еще более обнажившей зубы, сел на прежнее место у камина.

Некоторое время мы оба молчали. Я посмотрел в окно и увидел первый, еще смутный проблеск наступающего рассвета. Повсюду царила необычайная тишина, но, прислушавшись, я различил где-то, кажется внизу в долине, вой волков. Глаза графа блеснули, и он сказал:

– Послушайте их, детей ночи. Какая музыка! – Заметив, наверное, недоумение на моем лице, он добавил: – Ах, сударь, вам, горожанам, не понять чувств охотника, живущего в глуши. – Потом встал. – Вы, должно быть, устали. Ваша спальня готова, и завтра можете спать, сколько хотите. Меня не будет до полудня. Спокойной ночи, приятных снов!

С учтивым поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я пошел спать...

Что за странное состояние: меня одолевают сомнения, страхи, подозрения, в которых я не решаюсь сам себе признаться. Господи, храни меня, хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая. Опять раннее утро, целые сутки я провел в полном комфорте. Спал почти до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, там меня ждал холодный завтрак и горячий кофе; кофейник стоял на камине. На столе лежала записка: «Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.».

Я приступил к завтраку и поел от души. Потом хотел позвонить прислуге – дать знать, что можно убрать, но звонка нигде не было – довольно странный недостаток для дома с таким роскошным убранством. Столовый сервиз – из золота и такой прекрасной работы, что ему, наверное, цены нет. Шторы, обивка стульев, кушеток и драпировка в моей спальне – из роскошных, изысканных тканей, должно быть баснословно дорогих уже и в те времена, когда их покупали; несмотря на свою древность, они хорошо сохранились. Подобные ткани я видел в Хэмптон-Корте¹⁶, но там они были потертые, обтрепанные, изъеденные молью. Удивительно, ни в одной комнате нет зеркала. Даже на моем туалетном столике. Чтобы побриться и причесаться, пришлось воспользоваться зеркальцем из моего несессера. Слуг не видно и не слышно; не слышно вообще никаких звуков, кроме воя волков.

¹⁶ *Хэмптон-Корт* – дворец (XVI в.) с парком на берегу Темзы близ Лондона, королевская резиденция до 1760 г., ныне музей.

После завтрака, или, скорее, обеда (не знаю, как назвать, поскольку было это между пятью и шестью часами вечера), я решил что-нибудь почитать – без графа не хотел осматривать замок. Но в столовой не оказалось ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. Я открыл другую дверь и обнаружил библиотеку. Толкнулся еще в одну дверь, но она была заперта.

В библиотеке, к своей великой радости, я нашел много английских книг – целые полки были уставлены ими и годовыми комплектами журналов и газет. Стол посреди комнаты тоже завален старыми английскими журналами и газетами. Книги же – самые разные: по истории, географии, политике, политэкономии, ботанике, геологии, юриспруденции – все об Англии, ее жизни, обычаях и нравах. Там были даже справочники – Лондонская адресная книга, «Красная книга»¹⁷ и «Синяя книга», альманах Уитакера¹⁸, Армейский и Флотский реестры, но особенно порадовал мою душу «Свод законов».

Я просматривал книги, когда дверь вдруг отворилась и вошел граф. Он сердечно приветствовал меня, выразил надежду, что я хорошо спал этой ночью, а потом сказал:

– Рад, что вы пришли сюда, тут много интересного для вас. Эти книги, – он положил руку на стопку книг, – мои верные друзья уже несколько лет, с тех пор, как у меня возникло намерение поехать в Лондон, они доставили мне много приятных часов. Благодаря им я узнал вашу великую Англию, а узнать ее – значит полюбить. Я так хочу пройтись по оживленным улицам громадного Лондона, попасть в самый центр людского водоворота и суеты, окунуться в городскую жизнь с ее радостями, несчастьями, смертями – словом, во все, что делает этот город тем, что он есть. Но увы! Пока я изучал ваш язык только по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь хорошо говорить по-английски.

– Помилуйте, граф, вы в совершенстве владеете английским!

Он степенно поклонился:

– Благодарю вас, мой друг, за ваше лестное мнение обо мне, но боюсь, что я всего лишь в начале пути. Конечно, я знаю грамматику и слова, но еще не умею толком пользоваться ими.

– Поверьте мне, – заверил я, – вы прекрасно говорите.

– Это не так, – настаивал он. – Уверен, если бы я переехал в Лондон, при разговоре во мне бы узнавали иностранца, а мне бы этого не хотелось. Здесь я знатен, я – граф, народ меня знает, я – господин. А пришелец в чужой земле¹⁹ – никто; люди его не знают и, следовательно, равнодушны к нему. Я бы хотел не отличаться от других, чтобы на меня не обращали особого внимания, а услышав, не говорили бы: «Ха! Да это же иностранец!» Я привык быть господином и хотел бы им остаться, или, по крайней мере, надо мной уже не может быть никакого господина. Вы для меня – не просто доверенное лицо моего друга Питера Хокинса из Эксетера, и приехали вы не только для того, чтобы разъяснить мне все о моем новом владении в Лондоне. Надеюсь, вы побудете со мной здесь некоторое время – в беседах с вами я усовершенствуюсь в английском. Прошу вас, исправляйте малейшие ошибки в моем произношении. Жаль, что мне пришлось так надолго отлучиться сегодня, но вы, полагаю, простите столь занятого человека, как я.

Конечно, я заверил его, что готов во всем помочь ему, и попросил разрешения пользоваться библиотекой.

– Разумеется, – ответил он и добавил: – Вы можете свободно ходить по замку, кроме тех комнат, которые заперты, да у вас, наверное, и не возникнет желания заходить туда. Так уж

¹⁷ «Красная книга» – (название по цвету переплета) официальный биографический справочник политических деятелей и государственных служащих; «Синяя книга» содержит документы значительного объема, изданные парламентом, например доклады комиссий, отчеты министерств. (прим. переводчика)

¹⁸ Альманах Уитакера – (по имени первого издателя Джозефа Уитакера) ежегодный справочник общей информации, издающийся с 1868 г. (прим. переводчика)

¹⁹ Ср.: Исх. 2: 22.

здесь повелось – на то свои резоны, и если бы вы могли увидеть мир моими глазами и обрести мои познания, вы бы поняли все гораздо лучше.

Я заметил, что не сомневаюсь в этом, а он продолжал:

– Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наш уклад жизни отличается от вашего, многое здесь покажется вам странным. И судя по тому, что вы мне рассказали о своих приключениях, вы уже имеете некоторое представление о своеобразии нашего края.

Это было только началом нашего долгого разговора. Моему хозяину явно хотелось поговорить, вполне вероятно, лишь ради разговорной практики, а я воспользовался возможностью расспросить его о том, что я наблюдал своими глазами. В нескольких случаях он уходил от ответа, делал вид, что не понимает, но в основном отвечал очень искренно. Постепенно я настолько осмелел, что спросил его о странных событиях прошлой ночи, например, зачем возница ходил туда, где замечал голубые огни. Граф объяснил мне, что существует поверье: в ночь беспредельной власти духов зла, которая бывает только раз в году – именно вчера и была такая ночь, – там, где спрятаны клады, появляются голубые огоньки.

– Нет сомнений, в той местности, по которой вы проезжали прошлой ночью, погребены сокровища; несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью. Раньше сюда являлись полчища австрийцев и венгров, и патриоты – мужчины, женщины, старики и дети – выходили им навстречу, подстерегали их на перевалах или в узких ущельях и обрушивали на голову врага искусственные лавины. Если захватчики и одерживали победу, им мало что доставалось: все, что можно, было надежно упрятано в землю.

– Но почему же клады так долго остаются погребенными, если существуют безошибочные ориентиры и людям надо лишь взять на себя труд приметить их? – спросил я.

Граф улыбнулся, обнажив при этом десны и крупные, острые, волчьи зубы:

– Потому что крестьянин в душе – трус и дурак. Эти огоньки появляются лишь в однуединственную ночь, но в эту ночь ни один здешний житель носа не высунет из дома. А если бы, сударь, он и осмелился выйти, то все равно бы не знал, что делать. Думаю, даже вы не смогли бы найти эти места!

– Тут уж вы совершенно правы, – вздохнул я. – Даже где их искать, мне известно не больше, чем покойникам.

Затем беседа перешла в иное русло.

– Послушайте, – сказал граф, – расскажите мне наконец о Лондоне и о доме, который вы приобрели для меня.

Извинившись за свою рассеянность, я пошел к себе за бумагами. Собирая их, я слышал позвякивание посуды и приборов в соседней комнате; когда же я вернулся, стол был убран, лампа зажжена – к этому времени уже совсем стемнело. Свет горел и в библиотеке, я увидел, что граф прилег на кушетку и читает – из всех возможных книг он выбрал английский справочник «Брэдшо»²⁰! Когда я вошел, он убрал книги и бумаги со стола, и мы углубились в разного рода планы, акты и цифры. Его интересовало все, он задал множество вопросов о доме и его окрестностях. Граф явно успел уже изучить все это – и в конце концов выяснилось, что он знал гораздо больше меня. Когда я отметил это, он сказал:

– Но, мой друг, разве в этом нет необходимости? Я буду совершенно один, а моего друга Харкера Джонатана – нет, извините, это обычай моей страны называть сначала фамилию – моего друга Джонатана Харкера не будет рядом со мной, чтобы направлять меня, помогать мне. Он будет далеко в Эксетере – работать над юридическими документами с другим моим другом, Питером Хокинсом. Вот так!

²⁰ «Брэдшо» – (по фамилии первого издателя Джорджа Брэдшо) известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании, издавался с 1839 по 1961 г. в Манчестере. (прим. переводчика)

Мы стали досконально вникать в детали покупки дома в Перфлите. Я изложил своему странному клиенту все обстоятельства, он поставил подпись на нужных документах и написал к ним сопроводительное письмо для мистера Хокинса. После этого граф стал расспрашивать, как мне удалось найти такую подходящую усадьбу. Я прочитал ему заметки, сделанные мною в то время, привожу их здесь.

«В Перфлите, милях в двадцати к востоку от центра Лондона, на северном берегу Темзы, в стороне от шоссе, в тихом месте я набрел, кажется, именно на то, что нужно. Там висело обтрепанное объявление о продаже дома. Он окружен высокой, старинной кладки стеной из больших, тяжелых камней и долгие годы не ремонтировался. Ворота из старого дуба и изъеденного ржавчиной железа заперты.

Усадьба называется «Карфакс», – несомненно, искаженное старое французское название «Катр Фас» («Четыре лица»): все четыре стены дома расположены по основным направлениям компаса. Участок занимает акров двадцать, огороженных уже упомянутой глухой каменной стеной. Там много деревьев, отчего местами в усадьбе мрачновато; есть глубокий темный пруд, или, точнее, озерцо, питающееся, наверное, подземными источниками, – вода в нем прозрачная, и из него вытекает речка. Дом очень большой, и в его архитектуре преобладает печать Средневековья: одна из стен сделана из очень толстого камня, в ней – лишь несколько высоко расположенных окон с железными решетками. Дом напоминает замок и примыкает к старой часовне. У меня не было ключа от двери, ведущей из дома в часовню, поэтому я не зашел внутрь, но сделал несколько ее снимков своим «кодаком». В разные времена дом частично и довольно беспорядочно достраивался, поэтому я не смог точно определить его общую площадь, но она, должно быть, очень велика. Поблизости домов немного, один из них – довольно большой – построен недавно, это частная психиатрическая лечебница. Но из усадьбы ее не видно».

Когда я кончил, граф сказал:

– Хорошо, что дом старинный. Я сам из древнего рода, жизнь в новом доме была бы для меня мучительна. Конечно, за день дом не сделаешь жилым; но, в сущности, не так уж много дней составляют столетие. Меня радует и то, что там есть старая часовня. Нам, господам Трансильвании, не хотелось бы, чтобы наши кости покоились рядом с простыми смертными. Я не ишу ни веселья, ни радости, ни упоения солнечными лучами и искрящимися водами, столь любимыми юными и жизнерадостными людьми. Я уже не молод, и мое сердце, измученное годами скорби по умершим, не склонно к веселью. Да и стены моего замка разрушаются; внутри сумрачно, холодный ветер дует сквозь проломы в стенах и разбитые окна. Я люблю тень и полумрак и хотел бы жить уединенно, насколько это возможно.

Почему-то его слова не соответствовали его облику. Возможно, сами черты лица этого человека придавали зловещий оттенок его улыбке.

Вскоре он извинился и вышел, попросив меня собрать мои бумаги. В его отсутствие я начал рассматривать книги. Среди них был атлас, открытый, конечно же, на карте Англии; было видно, что ею много пользовались. Я заметил, что некоторые пункты обведены кружками, один из них – близ Лондона, как раз там, где расположена новая усадьба графа; два другие – Эксетер и Уитби – на йоркширском побережье.

Приблизительно через час граф вернулся.

– А, вы все еще за книгами? – заметил он. – Хорошо! Но вы не должны так много работать. Пойдемте, мне сказали, ваш ужин готов.

Он взял меня под руку, и мы прошли в соседнюю комнату, где меня ждал великолепный ужин. Граф вновь отказался от него, сославшись на то, что обедает вне дома. Но, как и накануне, пока я ужинал, он сидел со мной, непринужденно болтая. Потом я закурил сигару, как и в

прошлый вечер. И так за разговором – граф задавал вопросы на самые разные темы – проходил час за часом.

Я чувствовал, что время очень позднее, но ничего не говорил, так как считал своей обязанностью идти навстречу желаниям хозяина. Спать мне не хотелось, вчерашний продолжительный сон подкрепил меня. Но тем не менее я почувствовал озноб, как это обычно бывает на рассвете, который своим переходом от ночи к дню подобен смене приливов и отливов на море. Говорят, что люди чаще всего и умирают в предрассветные часы или же при смене прилива и отлива; любой, кто работал целую ночь и, устав, испытал на себе этот переход из одного времени суток в другое, поймет меня.

Вдруг мы услышали необыкновенно пронзительный крик петуха, словно прорезавший прозрачный утренний воздух.

Граф Дракула тут же вскочил:

– Ну вот, снова утро! Непростительно было с моей стороны продержат вас тут всю ночь. Но этот ваш захватывающий рассказ о моей новой родине – дорогой Англии так увлек меня, что я потерял счет времени.

И, церемонно поклонившись, он вышел.

У себя в комнате я раздвинул гардины, но не увидел ничего интересного; окно выходило во двор, мне была видна лишь легкая дымка на светлеющем небе. Поэтому я задернул занавеси и описал прошедший день.

8 мая. Прежде меня смущало это обилие подробностей в моих записях, но теперь я рад этому: в замке что-то неладно, я чувствую себя не в своей тарелке. Как бы мне хотелось целым и невредимым выбраться отсюда или вообще не приезжать сюда. Возможно, на меня действуют эти странные ночные бдения, но если б дело было только в них! Будь здесь еще хоть кто-нибудь, с кем можно было бы перемолвиться словом, мне было бы легче, но никого нет. Только граф, а он... Боюсь, я здесь единственная живая душа. Пожалуй, лучше попросту изложить факты – это поможет мне сохранить здравый смысл и не дать волю воображению. Иначе я погиб. Рассказываю все, как было.

Спал я всего несколько часов и, почувствовав, что больше не засну, встал. Подвесив зеркало для бритья у окна, начал бриться. Вдруг почувствовал руку на плече и услышал голос графа:

– С добрым утром!

Вздрогнув от неожиданности, я слегка порезался, но в тот момент не обратил на это внимания, куда больше меня удивило то, что я не увидел графа в зеркале, хотя в нем отражалась вся комната. Ответив на приветствие, я вновь повернулся к зеркалу, чтобы проверить, не померещилось ли мне. На этот раз не было никакого сомнения: граф стоял почти вплотную ко мне, я видел его через плечо, но в зеркале его не было! Вся комната отражалась в зеркале, а в ней – никого, кроме меня. Поразительно! Эта странность усилила смутное чувство тревоги, возникавшее у меня всякий раз в присутствии графа.

В ту же минуту я заметил, что моя ранка слегка кровоточит и кровь тонкой струйкой сбегает по подбородку. Я отложил бритву, повернувшись при этом вполборота в поисках пластыря. Граф увидел мое лицо, глаза его вспыхнули каким-то неистовым демоническим огнем, и он вдруг схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась шнура, на котором висел крест. Это вызвало в нем резкую перемену – приступ бешенства прошел мгновенно, будто его и не было.

– Будьте осторожны, – прошептал он, – когда порежетесь. В этом краю это опаснее, чем вы думаете. – Потом, схватив зеркальце для бритья, добавил: – А все натворила эта никудышная вещь – мерзкая игрушка человеческого тщеславия. Выбросите ее!

Открыв массивное окно, он швырнул в него зеркало, разбившееся вдребезги о камни, которыми выложен двор. Затем, не говоря ни слова, вышел. Это все крайне неприятно. Не представляю себе, как я теперь буду бриться, разве что перед корпусом моих часов или днищем бритвенного прибора, к счастью, сделанного из металла.

Когда я вышел в столовую, завтрак уже стоял на столе, но графа не было. Так что завтракал я в одиночестве. Странно, я до сих пор не видел графа за едой или питьем. Вероятно, он очень своеобразный человек! После завтрака я вышел на лестницу и обнаружил комнату, выходящую на юг. Передо мной открылась великолепная панорама. Замок расположен на самом краю пропасти. Камень, брошенный из окна, пролетел бы, наверное, тысячу футов, прежде чем коснуться земли! Куда ни посмотришь, везде зеленое море деревьев, а кое-где – глубокие впадины, видимо, там, где пропасти или ущелья. Местами – серебряные нити: это речки выются в узких ущельях.

Но у меня нет настроения описывать красоты природы; я обследовал замок дальше: двери, двери, повсюду двери, и все – на замках и засовах. Нет никакой возможности выбраться из замка, разве что через окна.

Этот замок – настоящая тюрьма, а я – узник!

Глава III

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

Когда до меня дошло, что я в плену, я впал в бешенство. Бегал вверх и вниз по лестницам, пробуя каждую дверь и выглядывая из окон; но вскоре сознание беспомощности заглушило все остальные чувства. Теперь, спустя несколько часов, припоминаю свое тогдашнее состояние, и мне кажется, что я на время сошел с ума и вел себя как крыса, попавшая в ловушку. Однако, убедившись, что положение мое безнадежно, я спокойно и хладнокровно, как никогда в жизни, стал обдумывать, что же мне предпринять. И теперь еще думаю об этом, но пока не пришел к какому-то окончательному решению. Только в одном я уверен: не стоит посвящать графа в мои раздумья и намерения. Этот человек прекрасно знает, что я в ловушке, и, поскольку он все это и устроил, видимо, у него какой-то свой умысел. Он лишь обманет меня, если я буду с ним откровенен. У меня один путь – скрывать свои страхи, делать вид, что я ни о чем не догадываюсь, и зорко следить за всем. Думаю, либо я сам, как дитя, поддался собственным страхам, либо действительно попал в чертовски трудное положение; если так, мне потребуется весь мой разум, чтобы найти спасительный выход.

Едва я пришел к этому выводу, как услышал хлопнувшую внизу входную дверь и понял: граф вернулся. Он не пришел сразу в библиотеку, поэтому я тихонько направился к себе в комнату и застал его там – он убирал мою постель. Странно, но это лишь подтверждает мои предположения: слуг в доме нет. Когда позднее сквозь щели в дверях столовой я увидел, что граф накрывает на стол, я уже не сомневался в этом (раз он сам исполняет обязанности слуг, значит, больше это делать некому). А если в замке, кроме нас, никого нет, тогда граф был и возницей коляски, которая привезла меня сюда...

Мне стало не по себе: выходит, это он умирал волков мановением руки. Почему люди в Бистрице и в дилижансе так боялись за меня? Зачем они дали мне распятие, чеснок, шиповник, рябину? Да благословит Господь ту добрую, милую женщину, которая повесила распятие мне на шею! Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до него, оно придает мне сил и спокойствия. Как странно, что именно то, к чему меня приучили относиться враждебно, как к идолопоклонству, теперь, когда я оказался в беде и совершенно одинок, поддерживает меня.

Кроется ли что-то сакральное в самой сущности этих вещей, или они служат своеобразным средством передачи сочувствия и утешения – и именно это оказывает реальную помощь? Когда-нибудь, если все обойдется, я обязательно исследую и выясню этот вопрос для себя. А пока нужно как можно больше узнать о графе Дракуле – это поможет мне понять происходящее. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе. Но нужно быть очень осторожным – не вызвать у него подозрений.

Полночь. Долго беседовал с графом, расспрашивал его об истории Трансильвании, и он очень живо и вдохновенно рассказывал о людях и событиях, особенно о битвах, как будто сам в них участвовал. Позднее он объяснил это тем, что для боярина честь его рода и фамилии – его честь, их слава – его слава, их судьба – его судьба. Всякий раз, упоминая свой род, он говорил «мы», почти всегда во множественном числе, как король. Жаль, у меня не было возможности дословно записать его рассказы об истории этого края – я слушал их, затаив дыхание. А он вол-

новался, ходил по комнате, теребя седые усы, хватая все, что попадало под руку, будто жаждал все сокрушить. Один его рассказ – об истории его рода – постараюсь привести подробнее:

– Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом – в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть, как львы. Здесь, в водовороте европейских племен, угры унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина²¹, а берсерки²² вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, в воинственном пылу прошедшими по этой земле, подобно огненному смерчу, и погубленный ими народ решил, что в их жилах течет кровь старых ведм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Аттилой, кровь которого течет в моих жилах? – И он воздел руки. – Удивительно ли, что мы – племя победителей? Что мы горделивы? А когда мадьяры, лангобарды, авары²³, болгары и турки хлынули на наши границы, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоило ли удивляться тому, что Арпад²⁴ и его легионы, пройдя через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас и здесь был положен конец Хонфоглалашу²⁵? А когда мадьяры хлынули на восток, то они, победители, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело – бесконечные заботы по охране границы; как говорят турки, «даже вода спит, а враг никогда не дремлет». Кто отважнее нас во времена «четырех наций»²⁶ бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор – позор Косова²⁷, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем?

Кто же, как не один из моих предков – воевода, – переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам²⁸ и навлек на них позор рабства! Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу! Его обвиняли в непомерной гордыне. Чушь! Что могут крестьяне без предводителя? Во что превращается война, если ее вести без ума и сердца? И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго²⁹, вожаками были мы – Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой.

²¹ ... воинственный дух Тора и Одина... – Тор – один из главных богов германо-скандинавской мифологии, бог грома, бури, плодородия. Один – верховный бог в скандинавской мифологии, мудрец, бог войны. (прим. переводчика)

²² Берсерки – Берсерками (вероятно, от древнеисландского «медвежий мех») викинги называли воинов, которые во время боя впадали в особый экстаз, увеличивающий силы и притупляющий боль. Согласно преданиям, берсерки могли принимать облик медведя и волка. (прим. переводчика)

²³ Лангобарды – германское племя. Авары – племенной союз, в основном тюркоязычных племен.

²⁴ Арпад – избранный наследник Аттилы, предводитель гуннов, ставший вождем венгерских племен. Первый князь (889–907) из основанной им династии Арпадовичей. (прим. переводчика)

²⁵ Хонфоглалаш – дословно «Завоевание отечества» (венгр.). Венгры, отождествлявшие себя с гуннами, считали, что, завоевав с Арпадом территорию позднейшей Венгрии, они лишь вернулись на родину. В 1896 г., когда Стокер работал над «Дракулой», в Венгрии торжественно отмечали тысячулетнюю годовщину Хонфоглалаша. (прим. переводчика)

²⁶ ...во времена «четырех наций»... – Имеются в виду населявшие Трансильванию народы: мадьяры, секлеры, германцы (в 1437 г. заключившие союз о взаимопомощи) и валахи. (прим. переводчика)

²⁷ ...позор Косова... – В сражении на Косовом поле (Южная Сербия, 1389) турецкий султан Мурад I разбил объединенное войско христиан; в 1448 г. там же потерпел поражение регент Венгерского королевства, воевода Трансильвании Янош Хуньяди, возглавивший движение сопротивления турецкому владычеству. (прим. переводчика)

²⁸ ...после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам... – В 1462 г. Влада Цепеша сверг его брат Раду, которого современники обвиняли в предательстве и в противоестественной связи с турецким султаном Мехмедом II. (прим. переводчика)

²⁹ ...когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго... – Битва 29 августа 1526 г. у г. Мохач (Венгрия) на правом берегу Дуная между войсками турецкого султана Сулеймана I и венгерского короля Лайоша II, закончившаяся пора-

Эх, юноша, секлеры (а Дракулы – их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего рода, недоступной этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Дни войны миновали. Кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов – не более чем старые байки.

Тут наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Занятно: этот дневник напоминает сказки «Тысячи и одной ночи» или историю тени отца Гамлета – все прерывается при первом крике петуха.)

12 мая. Начну с фактов, неумолимых, несомненных, подтвержденных книгами и цифрами. Не нужно путать их с моими непосредственными впечатлениями. Вчера вечером граф засыпал меня вопросами – правовыми и о разных практических делах. Целый день я корпел над книгами, освежая в памяти то, что некогда изучал в «Линкольнз-инн»³⁰. Граф навёл справки, руководствуясь какой-то своей системой; приведу его вопросы – эти сведения могут рано или поздно мне пригодиться.

Прежде всего он спросил меня, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я объяснил ему: при желании можно иметь хоть дюжину, но лучше, когда дело ведет один стряпчий и отвечает за него, смена же стряпчих лишь вредит интересам клиента. Казалось, граф понял меня, однако продолжал свою линию: возможно ли, спросил он, сделать так, чтобы один поверенный вел, скажем, его банковские дела, а другой следил за погрузкой корабля совсем в другой местности, расположенной далеко от местожительства первого стряпчего. Чтобы не ввести своего странного клиента в заблуждение, я попросил его объяснить конкретнее.

– Приведу пример, – начал граф. – Наш общий друг, мистер Питер Хокинс, живущий под сенью прекрасного собора в Эксетере³¹ вдали от Лондона, покупает для меня с вашей помощью дом в Лондоне. Прекрасно! Позвольте быть с вами откровенным, дабы вы не сочли странным, что я прибегнул к услугам человека, живущего далеко от Лондона, а не к стряпчему-лондонцу: мне хотелось, чтобы при выборе он руководствовался только моими, а не какими-либо иными интересами; у лондонца могут быть и свои цели, интересы друзей, поэтому я постарался найти поверенного, который будет блюсти только мои интересы. Теперь, допустим, я, человек очень занятой, хотел бы отправить товар, скажем, в Ньюкасл, Дарем, Харидж или Дувр, так не проще ли мне обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился, но добавил, что у стряпчих везде свои представители, готовые выполнить любое поручение на месте, поэтому клиенту достаточно доверить свои дела одному стряпчему, а уж дальше его распоряжения будут исполняться без всяких для него хлопот.

– Но ведь я и сам, – заметил граф, – мог бы свободно распоряжаться своими делами. Не так ли?

– Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы кто-то был в курсе их дел.

– Превосходно! – сказал он и принялся выяснять способы оформления поручительств, их виды и разные затруднения, которых можно избежать, если предусмотреть их заранее. Я объяснил ему все, что знал по этим вопросам. В конце концов у меня сложилось впечатление, что мой клиент мог бы сам быть великолепным стряпчим, настолько хорошо он предвидел и оговаривал всевозможные ситуации. Для человека, который никогда не был в стране и далек от профессии стряпчего, его познания и проницательность были просто поразительны.

Получив все интересующие его объяснения и сведения, достоверность которых я тут же проверил по справочникам, граф встал и спросил:

жением венгров, после которого значительная часть Венгерского королевства попала под власть Османской империи. (прим. переводчика)

³⁰ Школа при одной из четырех основных лондонских юридических корпораций.

³¹ Один из древнейших городов Англии в графстве Девоншир, известен собором XII–XIV вв.

– Писали ли вы мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь еще после вашего первого письма?

С горечью я ответил, что у меня вообще отсутствует возможность какой бы то ни было переписки.

– Ну так пишите, мой дорогой друг! – воскликнул он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. – Пишите немедленно нашему общему другу и всем, кому хотите, только не забудьте сообщить, что пробудете у меня еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если, конечно, вы не против.

– Вы хотите, чтобы я остался так надолго? – растерянно пробормотал я, и от одной мысли об этом у меня похолодело сердце.

– Я бы этого очень хотел. Более того, отказа не приму. Когда ваш патрон, хозяин или как угодно, сообщил мне, что пришлет своего заместителя, мы с ним условились, что во внимание будут приниматься только мои интересы. Сроков я не ограничивал. Разве не так?

Что же мне оставалось делать, как не кивнуть в знак согласия? Ведь речь шла об интересах мистера Хокинса, а не моих, я должен был думать о нем, а не о себе. Кроме того, в глазах графа, в том, как он держался, было нечто, сразу внушавшее мне, что я – пленник и, даже если попытаюсь возражать, выбора у меня нет. Граф воспринял мой утвердительный кивок как свою победу, а тревогу, невольно выразившуюся на моем лице, – как свидетельство своей власти надо мною и немедленно воспользовался этим, сказав очень любезным, но не допускающим возражений тоном:

– Очень прошу вас, мой дорогой юный друг, в своих письмах писать только о делах. Несомненно, вашим друзьям будет приятно узнать, что вы здоровы и с нетерпением ждете встречи с ними. Разве не так?

Он протянул мне три листка бумаги и три конверта. Посмотрев на этот тончайший, почти прозрачный почтовый набор, а затем на графа с его спокойной улыбкой и острыми, клыкообразными зубами над красной нижней губой, я понял столь же ясно, как если бы он прямо сказал мне об этом: нужно быть осторожным в письмах – он может прочесть их. И я решил написать сугубо официальные письма, а потом тайком, подробно, мистеру Хокинсу и Мине – в посланиях к ней я прибегну к стенографии, что поставит графа в затруднительное положение, если он попробует перлюстрировать мою корреспонденцию.

Написав два письма, я спокойно начал читать книгу, а граф делал какие-то заметки, периодически заглядывая в лежащие на столе справочники. Потом он взял мои послания, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Я тут же воспользовался возможностью взглянуть на эти письма, лежавшие на столе адресами вниз. И не испытывал никаких угрызений совести: в нынешних обстоятельствах я вынужден использовать любые возможности для спасения.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлю Ф. Биллингтону, Уитби, Кресент, 7; другое – господину Лойтнеру, Варна; третье – Кутсу и К°, Лондон; четвертое – господам Клопштоку и Билройту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я едва успел положить письма в прежнем порядке, бросился в кресло и углубился в книгу, как в комнату вошел граф еще с одним письмом в руке. Он взял письма, аккуратно наклеил на них марки и сказал мне:

– Думаю, вы извините меня, но сегодня вечером я должен поработать в уединении – очень много дел. Надеюсь, вам будет удобно и вы хорошо отдохнете. – В дверях он остановился и после минутной паузы добавил: – Позвольте посоветовать вам, мой дорогой юный друг, вернее, самым серьезным образом предупредить: если вы выйдете прогуляться по замку, ни в коем случае не вздумайте прилечь поспать где-нибудь, кроме своих комнат. Замок древний, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тем, кто выбирает случайное место

для отдыха. Будьте осторожны! Как только захочется спать, спешите в свою спальню или в одну из этих комнат, здесь ничто не потревожит ваш сон. Но если будете неосторожны, тогда...

И со злобещим видом он показал, что умывает руки. Я принял его слова к сведению, но усомнился в возможности существования чего-то более ужасного, чем та неестественная, чудовищная и таинственная западня, в которую меня угораздило попасть.

Позднее. Убедился в справедливости своего последнего наблюдения; теперь уже нет никаких сомнений. Нигде не побоюсь спать, лишь бы подальше от этого человека. Я положил распятие в изголовье моей кровати – наверное, так буду спать спокойней, пусть оно там и лежит.

Когда граф ушел, я, побыв немного в своей комнате и не слыша ни звука, решил выйти – поднялся по лестнице наверх, откуда открывался вид на южную сторону. После гнетущего сумрака замкового двора от обширных, хоть и недоступных, пространств на меня повеяло свободой. Глядя на эти просторы, я особенно остро ощутил, что нахожусь в тюрьме, мне хотелось глотнуть свежего воздуха, хотя была ночь. Я почувствовал, что ночной образ жизни начинает сказываться на моих нервах: меня пугала собственная тень, мне чудились кошмарные видения. Но, видит бог, для моих жутких страхов в этом проклятом месте есть основания!

Я любовался прекрасным видом, озаренным мягким лунным сиянием, было светло почти как днем. Очертания далеких холмов смягчились, тени в долинах и бархатный мрак ущелий как будто подтаяли. Первозданная красота природы ободрила меня; с каждым глотком воздуха я, казалось, вбирал в себя спокойствие и надежду. Высунувшись из окна, я заметил какое-то движение этажом ниже, чуть левее, где, по моим расчетам, находились окна комнаты графа. Высокое окно, у которого я стоял, было заключено в амбразуру, пострадавшую от времени, но тем не менее уцелевшую, впрочем, рама, судя по всему, уже давным-давно отсутствовала. Я спрятался за каменную кладку и осторожно выглянул.

Из окна высунулась голова графа. Лица я не видел, но узнал его по затылку и движению плеч и рук. Во всяком случае, уж руки-то его я не мог не узнать – столько раз я их внимательно разглядывал. Сначала мне было любопытно и даже несколько забавно – удивительно, как мало нужно, чтобы заинтересовать и позабавить человека, находящегося в плену. Но мое любопытство быстро перешло в чувство отвращения и страха – я увидел, как он медленно вылез из окна и пополз по стене над ужасной пропастью, его плащ развевался, подобно огромным крылам.

Я не поверил своим глазам, подумал было, может, это игра лунного света или причудливое отражение теней, взгляделся внимательнее – и сомнения исчезли. Я ясно видел, как его пальцы и носки ботинок нащупывали зазоры между камнями, из которых с течением времени выветрилась штукатурка; карабкаясь по выступам и неровностям, граф, как ящерица, быстро спускался по стене.

Что это за человек или, точнее, существо в обличье человека? Чувствую, что царящий здесь ужас подавляет меня; мне страшно – очень страшно, не вижу выхода; я настолько охвачен страхом, что даже подумать не смею о...

15 мая. Опять видел графа ползущим ящерицей по стене. Он спустился наискось футов на сто и исчез в какой-то дыре или окне слева. Я высунулся и попытался проследить его дальнейший путь, но безуспешно – расстояние было слишком велико, он был вне поля моего зрения. Но я знал: в замке его уже нет, и решил воспользоваться случаем – осмотреть то, чего не видел прежде.

Вернулся в комнату, взял лампу и стал дергать все двери подряд. Разумеется, они оказались заперты, замки на них были сравнительно новыми. Тогда я спустился по каменной лестнице в зал, через который впервые попал в замок. Засовы, как выяснилось, довольно легко отодвигаются, а большие цепи нетрудно снять с крюков, но дверь была заперта, а ключ, похоже,

находился в комнате графа... Надо дожидаться случая, когда дверь будет открыта, взять там ключ и бежать.

Я продолжал обследовать лестницы, коридоры и пробовать двери. Одна или две маленькие комнаты близ зала оказались открыты, но в них не было ничего интересного, кроме старинной мебели, покрытой многолетней пылью и изъеденной молью. В конце концов, поднявшись по одной из лестниц на самый верх, я нашел дверь, которая хотя и была как будто заперта, однако при толчке поддалась. Толкнув сильнее, я почувствовал: она не заперта, а не открывается потому, что сошла с петель и, будучи очень массивной, просто стоит на полу. Второй раз такой возможности могло и не представиться, поэтому я напрягся изо всех сил и отодвинул ее настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель.

Я был в правом крыле замка, этажом ниже моих покоев. По расположению окон я понял: это анфилада комнат на южной стороне, а окна последней выходят на запад и юг. С обеих сторон зияла пропасть. Замок стоял на краю большого утеса, неприступного с трех сторон, и именно в этой его части, неуязвимой для пращи, лука или кулеврины³², располагались большие окна, источник света и покоя, невозможные в менее защищенных местах. На западе виднелась большая долина, за ней, вершина за вершиной, уходили в небо огромные зубчатые горные твердыни; крутые склоны поросли рябиной и терновником, корни которых цеплялись за трещины и расщелины в камне.

По-видимому, в этой части замка когда-то находилась женская половина: обстановка здесь уютнее, чем в остальных его пределах. Занавесок не было, и золотистый лунный свет, свободно струившийся сквозь окна, позволял различить спокойные тона и скрадывал толстый слой пыли, скрывавшей разрушительное действие времени и моли. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был рад, что захватил ее, – ужасное чувство одиночества холодило сердце и натягивало нервы как струны. И все же здесь дышалось явно легче, чем в тех комнатах, которые я возненавидел из-за посещений графа. Я постарался взять себя в руки, спокойствие снизошло на меня.

И вот сижу за дубовым столиком – возможно, в былые времена к нему присаживалась прекрасная дама, чтобы, обдумывая каждое слово и краснея, написать любовное письмо с орфографическими ошибками, а теперь я стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной с тех пор, как мне довелось его последний раз открывать. На дворе девятнадцатый век – век науки и прогресса. И все же, если мои чувства не обманывают меня, прошедшие века имели и имеют власть над нами, которую не может уничтожить никакой «прогресс».

16 мая. Утро. Да хранит Господь мой рассудок – я в этом очень нуждаюсь. Безопасность, или хотя бы уверенность в безопасности, уже в прошлом. Сейчас у меня только одно желание – не сойти с ума, если, конечно, это уже не произошло. Если же я еще в своем уме, то, как ни досадно, следует признать, что из всех кошмаров, подстерегающих меня в этом ненавистном месте, наименее опасен для меня граф: я могу надеяться только на его помощь – по крайней мере, пока он во мне нуждается. Боже всемогущий! Боже милосердный! Помоги мне сохранить хладнокровие, иначе я сойду с ума. Кое-что прояснилось в том, что раньше озадачивало меня. До сих пор я никогда не понимал до конца, что имел в виду Шекспир, говоря устами Гамлета:

Где памятная книжка? Запишем

В ней, что можно улыбаться

И в то же время быть злодеем!...³³

³² В Средние века разновидность мушкета; в XVI–XVII вв. – тяжелая пушка.

³³ Шекспир У. Гамлет. Акт I, сц. 5. Перевод М. Загуляева.

Теперь же, чувствуя, что разум мой помутился или пережил потрясение, которое должно найти разрядку, обращаюсь к дневнику, чтобы обрести душевное равновесие. Может быть, эта привычка регулярно вести дневник поможет мне успокоиться.

В свое время таинственное предостережение графа напугало меня; теперь же оно тем более страшит меня – боюсь, его власть надо мной в будущем станет и вовсе непомерной. Скоро мне будет страшно даже сомневаться в его словах!

Кончив писать и спрятав в карман дневник и ручку, я почувствовал, что мне очень хочется спать. Я помнил предупреждение графа, но мне доставило удовольствие послушаться его. Сон одолевал меня все сильнее, но я противился ему, так часто бывает: чем сильнее хочешь спать, тем упорнее стараешься не заснуть. Мягкий лунный свет умиротворял, а бескрайний простор за окном пробуждал чувство свободы, которое будоражило меня и придавало сил.

Я решил не возвращаться в свои мрачные комнаты этой ночью, а провести ее здесь, где в старину сживали дамы, пели, грустили, когда мужа покидали их, погружаясь в кровавую пучину беспощадных войн. Вытащил большую кушетку из угла и, не обращая внимания на пыль, поставил ее так, чтобы наслаждаться прекрасным видом из окон, выходящих на восток и юг; вскоре веки мои смежились. Вероятно, я заснул; надеюсь, заснул, однако все последовавшее было настолько реально, что даже теперь, когда я сижу здесь средь бела дня и в окна ярко светит солнце, никак не могу поверить, что все это мне приснилось...

Я был не один. Комната несколько не изменилась с тех пор, как я вошел в нее. В лунном свете я различал собственные следы на густом слое пыли на полу. Напротив меня стояли три молодые женщины – леди, судя по их одежде и манерам. Я подумал, они мне снятся, потому что лунный свет падал на них сзади, но на полу не было тени.

Они подошли ко мне близко, некоторое время смотрели на меня, потом начали шептаться. Две из них – брюнетки с тонкими орлиными носами, как у графа, и большими темными пронзительными глазами, почти красными на фоне бледно-желтого света луны. Третья была белокурой – ослепительная блондинка с густыми, вьющимися, золотистыми волосами и бледно-сапфировыми глазами. Ее лицо показалось мне знакомым, как будто я видел его в каком-то страшном сне, но не мог вспомнить, где и когда. У всех трех прекрасные белые зубы, сверкающие, как жемчужины, меж алых сладострастных губ. Глядя на этих нимф, я испытывал двойственное чувство – вожеление и одновременно смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами. Нехорошо писать об этом – я могу причинить боль Мине, если записи попадутся ей на глаза, но это правда.

Дамы пошептались и рассмеялись серебристым, музыкальным и в то же время каким-то неестественно резким смехом – едва ли такой звук могли издавать мягкие человеческие губы. Он напоминал невыносимый скрип, который извлекает умелая рука, водя по краю наполненного водой стакана.

Блондинка кокетливо покачивала головой, брюнетки уговаривали ее. Одна из них сказала:

– Ну, давай! Ты – первая, а мы – за тобой. Это твое право – начать.

Другая добавила:

– Он молод и здоров; поцелуев хватит на всех.

Я лежал ни жив ни мертв и, прикрыв глаза, сквозь ресницы наблюдал за происходящим, весь в предвкушении наслаждения. Белокурая дама подошла и наклонилась надо мной – я почувствовал ее дыхание. Оно было сладким, словно мед, и так же будоражило нервы, как и ее голос, но к этой сладости примешивалась некая горечь, неприятная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но все прекрасно видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и наклонилась ко мне в вожелении. Ее ленивое сладострастие было одновременно волнующим и отталкивающим. Наклоняясь, она облизывала губы, подобно животному: при

свете луны я заметил влажный блеск ее алых губ и красного языка. Она склонялась все ниже и ниже, губы ее скользнули по моему рту и замерли где-то у горла. Я слышал причмокивающий звук ее языка, облизывающего зубы и губы, чувствовал на шее горячее дыхание. Потом ощутил легкое щекотание на горле, нежное, едва уловимое касание губ, а когда два острых зуба осторожно царапнули мою кожу, я закрыл глаза в томном восторге и ждал – ждал, весь трепеща...

Но в ту же секунду меня пронзило другое, мгновенное, словно вспышка молнии, ощущение: граф здесь, и он – в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как своей мощной рукой он схватил блондинку за тонкую шею и с силой оттащил от меня. Ее глаза сверкнули гневом, зубы заскрежетали, щеки вспыхнули. Но что было с графом! Я и представить себе не мог такой ярости и неистовства даже у бесов преисподней. Его глаза метали молнии. Красный ответ сделался еще ярче, будто в них и вправду вспыхнуло адское пламя.

Резким взмахом руки он отшвырнул женщину и сделал знак другим, как бы отгоняя их; это был тот же повелительно-властный жест, который я наблюдал при укрощении волков. Тихо, почти шепотом, но так, что голос его, казалось, резал воздух, заполняя собой всю комнату, он сказал:

– Как вы смеете его трогать, вы?! Или даже смотреть в его сторону, раз я запретил вам? Назад, сказано вам! Этот человек принадлежит мне! Попробуйте только тронуть его – и будете иметь дело со мной.

Блондинка с каким-то вульгарным кокетством усмехнулась:

– Ты никого никогда не любил и не любишь!

При этих словах две другие женщины тоже засмеялись, и от их безрадостного, резкого, бездушного смеха я чуть не потерял сознание – казалось, веселятся ведьмы.

Граф повернулся ко мне и, пристально глядя на меня, ласково прошептал:

– Нет, я тоже могу любить; вы в прошлом и сами могли убедиться в этом. Разве не так? Ладно, обещаю, как только покончу с ним, можете сколько угодно целовать его. А теперь уходите! Прочь! Я должен разбудить его – есть дело!

– А что же, мы сегодня ночью ничего не получим? – спросила блондинка с наглым смешком, указывая на брошенный им на пол мешок, который шевелился, как будто в нем было что-то живое.

Граф кивнул. Одна из женщин тут же бросилась к мешку и открыла его. Если слух не обманул меня, оттуда раздались вздохи и тихий плач полузадушенного ребенка...

Женщины обступили мешок. Я был в ужасе. И вдруг они исчезли вместе с этим ужасным мешком, хотя я не отрывал от них глаз. Другой двери в комнате не было; чтобы выйти, им пришлось бы пройти мимо меня. Казалось, они просто растворились в лучах лунного света и исчезли в окне: какое-то мгновение я еще наблюдал их смутные, призрачные очертания, прежде чем они совершенно исчезли.

Меня охватил такой ужас, что я потерял сознание.

Глава IV

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(продолжение)

Проснулся я в своей спальне. Если мое ночное приключение мне не приснилось, то, наверно, граф и перенес меня сюда. Многие мелочи это подтверждают – например, моя одежда сложена не так, как обычно. Часы стоят, а я всегда завожу их на ночь... Но все это, конечно, не доказательство, а, возможно, лишь косвенное подтверждение того, что я не в себе. Нужно найти настоящее доказательство. Одно меня порадовало: если меня сюда принес и раздел граф, то он, похоже, очень спешил – карманы не тронуты. Я уверен, что дневник был бы для него загадкой, и он, конечно, забрал бы его или уничтожил. Теперь моя комната, раньше столь неприятная для меня, – мое убежище; нет ничего отвратительнее тех ужасных женщин, ждущих случая высосать мою кровь.

18 мая. При свете дня вновь пошел в ту комнату – я просто должен установить истину, проверить себя. Дверь на верхней площадке лестницы оказалась заперта. Ее захлопнули с такой силой, что дерево местами расщепилось. Мне удалось разглядеть, что дверь заперта не снаружи, а изнутри. Боюсь, то был не сон, я должен действовать.

19 мая. Несомненно, я в западне. Прошлой ночью граф очень любезно попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что моя работа близится к завершению и через несколько дней я выеду домой; во втором – что я выезжаю на следующий день после даты письма; в третьем – что я уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне хотелось воспротивиться, но в моем положении открыто ссориться с графом – это безумие, пока что я совершенно в его власти; отказ возбудил бы его подозрения и разозлил. Он бы понял, что я слишком многое узнал и не должен оставаться в живых – чересчур опасен; мой единственный шанс спастись – тянуть время и искать выход. Возможно, подвернется случай бежать.

В его глазах я снова заметил вспышку гнева, напомнившего мне сцену с той блондинкой. Граф стал объяснять мне, что почта бывает здесь редко и нерегулярно, письма же успокоят моих друзей, заблаговременно известив их о моем приезде, а если по каким-то причинам я пробуду в замке еще некоторое время, он может задержать два моих последних письма в Бистрице. Любые мои возражения лишь привели бы к новым подозрениям. Я сделал вид, что согласен, спросил лишь, какие даты проставить в письмах. Он подумал минуту и ответил:

– Первое пометьте двенадцатым, второе – девятнадцатым, а третье – двадцать девятым июня.

Теперь я знаю, сколько дней жизни мне отпущено. Господи, помоги мне!

28 мая. Появилась возможность бежать или, по крайней мере, послать домой весточку. Цыганский табор пришел в замок и расположился во дворе; я уже писал о них в своем дневнике. Они родственны цыганам всего мира, но имеют и свои особенности. Цыгане живут в Венгрии и Трансильвании фактически вне закона. Как правило, они пристраиваются в имении какого-нибудь крупного аристократа и называют себя его именем. Они бесстрашны, чужды какой-либо религии, но суеверны и говорят на разных наречиях цыганского языка.

Напишу домой несколько писем и уговорю цыган отвезти их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окно. Они почтительно поклонились мне, сняв шляпы, и делали какие-то знаки, столь же непонятные, как и их язык...

Я написал Мине – стенографически, а мистера Хокинса попросил связаться с нею. Мине я объяснил свою ситуацию, умолчав об ужасах, в которых еще сам не совсем разобрался. Выложи я ей все откровенно, она бы перепугалась до смерти. А если письма попадут к графу, он все равно не узнает моих тайн, точнее, насколько я проник в его тайны...

Я пропихнул письма вместе с золотой монетой сквозь решетку на моем окне и, как мог, знаками показал, что их нужно опустить в почтовый ящик. Один из цыган подобрал их, прижал к сердцу, поклонился и вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог предпринять. Проскользнув в кабинет, я стал читать. Граф все не появлялся, тогда я занялся дневником...

Но вот он пришел и, сев рядом со мной, вкрадчивым голосом сказал, показывая письма:

– Цыгане передали мне эти письма; хотя не знаю, откуда они взялись, я о них, конечно, позабочусь. Взгляните! Одно от вас моему другу Питеру Хокинсу; другое... – Тут, открыв конверт, он увидел странные знаки, лицо его омрачилось, глаза злобно сверкнули. – Другое – о низость, грубое попрание законов дружбы и гостеприимства! – не подписано! В таком случае оно не представляет для нас никакой ценности.

Граф спокойно поднес письмо и конверт к пламени лампы, быстро превратившему их в пепел. Потом продолжил:

– Письмо Хокинсу я, конечно же, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня неприкосновенны. Простите, мой друг, что в неведении я распечатал его. Не запечатаете ли вы его снова?

Он протянул мне письмо и – с почтительным поклоном – чистый конверт. Мне не оставалось ничего иного, как написать адрес и молча вернуть письмо. Когда он вышел, я слышал, как мягко повернулся ключ в замке. Выждав минуту, я подошел к двери – она была заперта.

Час или два спустя граф тихо вошел в комнату и разбудил меня – я прилег на диване и заснул. Он был очень любезен и оживлен:

– Вы устали, мой друг? Ложитесь в постель. Это лучший отдых. К сожалению, не могу составить вам компанию сегодня вечером – очень занят, зато, надеюсь, вы выспитесь.

Я пошел к себе, лег и, как ни странно, спал прекрасно. И в отчаянии бывают свои минуты покоя.

31 мая. Проснувшись утром, решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и держать их в кармане на случай, если подвернется возможность послать письмо, но меня ждал очередной удар! Исчезли все мои бумаги, в том числе железнодорожные расписания и прочие справочники, необходимые в моем путешествии, аккредитив, то есть все то, без чего за пределами замка делать нечего. Подумав немного, я решил поискать их на вешалке и в платяном шкафу, куда повесил свою одежду.

Мой дорожный костюм, а также пальто и плед пропали; несмотря на все мои поиски, их как не бывало. Очередная злодейская затея...

17 июня. Сегодня утром, сидя на краю постели и ломая голову, как быть, вдруг услышал во дворе щелканье кнутов и цокот лошадиных копыт по каменистой дороге, ведущей в замок. Обрадовавшись, бросился к окну и увидел: во двор въехали два больших фургона, запряженные каждый восьмеркой сильных лошадей. Их сопровождали словаки в больших шляпах, широких поясах с множеством металлических заклепок, в грязных тулупах и высоких сапогах, с длинными палками в руках. Я метнулся к двери, хотел спуститься вниз в надежде выйти к ним через главный вход – может быть, его откроют для них. И вновь неудача: дверь заперта снаружи.

Тогда я подбежал к окну и окликнул их. Они с недоумением посмотрели наверх и стали показывать на меня. Подошел цыганский вожак и сказал им что-то – они рассмеялись. После этого все мои усилия – жалобные крики, отчаянные уговоры – были напрасны: они даже не глядели в мою сторону. Я для них не существовал. В фургонах привезли большие прямоугольные ящики с толстыми веревочными ручками – явно пустые, судя по легкости, с которой их сгружали. Сложив ящики в углу двора, словаки получили от цыгана деньги и, поплевав на них на счастье, вразвалку направились к лошадям. Вскоре я услышал затихающее вдали щелканье их кнутов.

24 июня, на рассвете. Вчера вечером граф рано ушел от меня и закрылся у себя в комнате. Я собрался с духом, быстро поднялся по винтовой лестнице и выглянул из окна, выходящего на юг, надеясь выследить графа, – явно что-то готовилось. Цыгане по-прежнему размещаются в замке и заняты чем-то странным: время от времени до меня доносится далекий глухой звук мотыги или заступа. Это, наверное, последний этап какого-то жуткого преступления.

Пробыв у окна около получаса, я заметил какое-то движение в окне графа. Слегка отпрянув, я стал следить и наконец увидел хозяина замка. На этот раз меня потрясло, что на нем был мой дорожный костюм, а через плечо перекинут тот самый ужасный мешок, который, помнится, унесли с собой те кошмарные женщины. Ясно, на какой промысел он отправлялся, и к тому же в моей одежде! Вот, значит, каков новый злодейский замысел графа: его примут за меня, тем самым он убьет сразу двух зайцев – в городке будут знать, что я сам отсылал свои письма, а любое совершенное им злодеяние местные жители припишут мне.

Меня охватила ярость, ведь это действительно может случиться, я же заперт здесь, как самый настоящий заключенный, хотя и лишен защиты закона – элементарного права, которым пользуется любой преступник.

Я решил дождаться возвращения графа и довольно долго сидел у окна. Потом в лучах лунного света я заметил странные мелькающие крупинки вроде микроскопических пылинок. Кружась, они собирались в легкие облачка. Наблюдая за ними, я постепенно успокоился и даже постарался устроиться в оконном проеме удобнее, чтобы любоваться этой игрой природы.

Жалобный вой собак где-то далеко внизу в долине, скрытой от моего взора, заставил меня вздрогнуть. Он становился все громче, а витающие в воздухе пылинки принимали новые формы, танцую в лунном свете под эти звуки. Меня неодолимо потянуло откликнуться на этот смутный зов, в моей душе пробуждались какие-то неясные, полузабытые чувства... Гипноз! Все быстрее кружились пылинки. Лунный свет, казалось, ускорял их движение; проносясь мимо меня, они исчезали во мраке. Постепенно сгущаясь, они приняли форму человеческих фигур.

Я встряхнулся, вскочил и опрометью бросился вон: в призраках, проступивших в лунном свете, я узнал тех трех женщин, в жертву которым был предназначен. И только в своей комнате, где не было лунного света и ярко горела лампа, почувствовал себя в безопасности.

Часа через два я услышал какую-то возню в комнате графа, резкий, мгновенно прерванный вопль. Затем наступило молчание, глубокое и ужасное. Я похолодел, сердце заколотилось. Кинулся к двери – заперта! Я – в тюрьме, скован по рукам и ногам. Нервы мои не выдержали – в отчаянии я заплакал.

И тут во дворе раздался душераздирающий женский крик. Открыв окно, я увидел сквозь решетку женщину с растрепанными волосами. Она прислонилась к калитке, прижала руки к сердцу – после быстрого бега. Заметив меня, она бросилась вперед и пронзительно закричала:

– Изверг, отдай моего ребенка!

Упав на колени, простирая руки, несчастная продолжала выкрикивать одни и те же слова, терзая мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь, все более предаваясь отчая-

нию. Потом кинулась вперед – я перестал ее видеть, но слышал, как она колотила кулаками во входную дверь.

Откуда-то сверху, вероятно с башни, послышался резкий, повелительный голос графа. Издалека, с разных сторон, ему ответил вой волков. Через несколько минут волчья стая, точно вода, прорвавшая плотину, затопила двор. Женщина замолчала, стих и вой волков. Вскоре они, облизываясь, удалились поодиночке...

Я не жалел о смерти женщины, поняв, какая участь постигла ее ребенка; смерть для нее – лучший исход.

Что же мне делать? Что? Как бежать из этого кошмара?

25 июня, утро. Лишь тот, кто познал ужас ночи, может понять сладость наступления утра. Солнце сегодня утром поднялось так высоко, что осветило верхнюю часть больших ворот напротив моего окна. Светлое пятно на самой их верхушке показалось мне похожим на голубку из ковчега. Страх прошел, будто окутывавшая меня пелена рассеялась от тепла. Нужно что-то предпринять – сейчас, немедленно, при свете дня, пока мужество не покинуло меня. Вчера вечером отправлено одно из моих писем с заранее проставленной датой, первое из того рокового ряда, с завершением которого исчезнут даже следы моего пребывания на земле.

Только не думать об этом. Действовать!

Именно по ночам меня терзают страхи, и я ощущаю опасность. Я до сих пор не видел графа при дневном свете. Неужели он спит днем, когда люди обычно заняты делом, и бодрствует по ночам, когда принято спать? Если бы мне удалось пробраться в его комнату! Но это невозможно. Дверь заперта, путь отрезан.

Конечно, если хватит смелости, попасть туда можно.

Почему бы не воспользоваться его же способом? Я своими глазами видел, как он, выбравшись из окна, полз по стене. Почему бы мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов на успех, конечно, мало, но положение у меня отчаянное. Рискну! В худшем случае меня ждет смерть – но достойная человека, а не безропотная смерть теленка. Возможно, тогда предо мной откроются врата загробной жизни.

Господи, помоги мне! Прощай, Мина, если меня постигнет неудача; прощай, мой верный друг и второй отец; прощайте все! Еще раз прощай, Мина!

Тот же день, позднее. Я рискнул и, благодаря Создателю, благополучно вернулся в свою комнату. Изложу все по порядку.

Полный решимости, я выбрался из окна, выходящего на юг, на узкий каменный карниз, опоясывающий эту сторону замка. Стена сложена из больших, грубо отесанных камней, известка между ними со временем выветрилась. Сняв ботинки, я начал отчаянный спуск. Один-единственный раз взглянул вниз – хотел убедиться, что высота не пугает меня, потом все же старался не смотреть в бездну. Направление и расстояние до окна графа я знал хорошо. Карабкался, цепляясь за что мог. Голова не кружилась; думаю, я был слишком взволнован.

Казалось, прошло совсем мало времени, когда я очутился на подоконнике и поднял оконную раму. Дрожа от нервного возбуждения, проскользнул в окно: к моему удивлению и радости, в комнате никого не оказалось! Мебель примерно в том же стиле, что и в южных комнатах, – несколько разрозненных, покрытых слоем пыли предметов, которыми будто никогда не пользовались. Ключа в замке не оказалось. Его вообще нигде не было, зато у стены я нашел кучу золота – римские, британские, австрийские, венгерские, греческие, турецкие монеты; судя по всему, они пролежали в земле не менее трехсот лет. Там были и украшения, даже с бриллиантами, но все потускневшие от времени, испачканные землей.

В углу комнаты я обнаружил еще какую-то дверь, оказавшуюся незапертой, хотя и довольно тяжелой, – она вела в каменный коридор, который заканчивался крутой винтовой

лестницей. Осторожно ступая – темную лестницу освещали лишь бойницы в каменной стене, – я спустился вниз и попал в туннель, откуда шел тошнотворный запах перегнившей, только что вскопанной земли. Чем дальше по туннелю, тем сильнее становился этот смрад.

Наконец я распахнул тяжелую полуоткрытую дверь, передо мной оказались руины старой часовни, очевидно служившей фамильной усыпальницей. Ветхая крыша давно обвалилась, в двух местах ступени вели вниз – в склепы, земля там была разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, вероятно привезенные словаками. Вокруг – ни души. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но не находил. Тогда решил на всякий случай обследовать каждый дюйм этой зловещей часовни. Спускался, хотя и дрожал от страха, даже в склепы, куда с трудом проникал тусклый свет. В двух из них не нашел ничего, кроме обломков старых гробов и кучи пыли; но в третьем меня ждало открытие...

Там, в одном из пятидесяти больших ящиков, на куче свежевырытой земли лежал граф! Мертвый или спящий – я не мог определить: открытые и неподвижные глаза, но без той остекленелости, которая появляется после смерти; несмотря на бледность, на щеках угадывалось тепло жизни, да и губы были, как всегда, красные. Но лежал он неподвижно – без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, тщетно пытаясь обнаружить хоть какой-то признак жизни. По-видимому, он лежал там недолго – земля была вырыта совсем недавно.

Около ящика стояла крышка с просверленными в ней отверстиями. Подумав, что ключи могут быть у графа, я начал было искать их, но тут увидел в его глазах такую лютую ненависть, хотя едва ли он мог сознавать мое присутствие, что нервы мои не выдержали – я бросился вон и, выбравшись через окно его комнаты, вскарабкался по стене замка к себе. Запыхавшись, бросился на постель и попытался собраться с мыслями...

29 июня. Сегодня срок моего последнего письма, и граф вновь предпринял шаги, чтобы доказать его подлинность, ибо опять я видел, как он в моей одежде, подобно ящерице, спускался по стене. Я просто сходил с ума оттого, что у меня нет ружья или другого оружия, чтобы убить его; но, боюсь, любое оружие, сделанное рукой человека, бессильно против него. Я не стал ждать его возвращения, опасаясь вновь увидеть сестриц-колдуний. Вернувшись в библиотеку, читал, пока не заснул.

Меня разбудил граф. Мрачно глядя на меня, он сказал:

– Завтра, мой друг, мы расстаемся. Вы возвращаетесь в свою прекрасную Англию, я – к делу, результаты которого могут исключить возможность нашей новой встречи. Ваше письмо домой отправлено; завтра меня здесь не будет, но все готово к вашему отъезду. Утром придут цыгане – они здесь кое-что делают – и несколько словаков. После их ухода за вами придет коляска и отвезет вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу. Надеюсь, что еще увижу вас в замке Дракулы.

Я не поверил ему и решил испытать его искренность.

Искренность! Сочетать с таким чудовищем это слово – значит осквернить его. Я спросил прямо:

– А почему бы мне не поехать сегодня вечером?

– Потому, мой дорогой, что кучер и лошади отправлены по делу.

– Но я с удовольствием пойду пешком. Готов уйти немедленно.

Граф улыбнулся – так мягко, так вкрадчиво, так демонически, что я сразу понял: он что-то замышляет.

– А как же ваш багаж? – спросил он.

– Ничего страшного, я могу прислать за ним позднее.

Граф встал и сказал с такой любезностью, что я не поверил своим ушам, столь искренне это прозвучало:

– У вас, англичан, есть одна поговорка, которая мне близка: «Сердечно приветствуй гостя приходящего и не задерживай уходящего». Пойдемте со мною, мой друг. Я и часу лишнего не продержу вас здесь против вашей воли, хотя мне очень грустно и расставаться с вами, и видеть, как вы этого хотите. Идемте!

Величественной поступью граф начал спускаться по лестнице, любезно освещая мне путь лампой. Вдруг он остановился:

– Слушайте!

Невдалеке послышался вой волков, казалось, возникший по мановению его руки, как возникает музыка большого оркестра, повинувшись дирижерской палочке. После минутной паузы он величаво проследовал дальше, к выходу – отодвинул засовы, снял цепи и начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, она была не заперта, я не заметил даже намека на ключ.

Дверь приоткрылась – вой усиливался и свирепел: волки сгрудились у порога, в дверном проеме были видны их красные пасти с щелкающими зубами, когтистые лапы просовывались в щель. Стало ясно, что в этой ситуации спорить с графом бессмысленно. С такими противниками, к тому же послушными ему, я ничего не мог поделать.

А дверь продолжала медленно открываться, граф стоял на пороге. Мелькнула мысль: именно сейчас решится моя участь – он бросит меня волкам, да я сам и подвинул его к этому. Такой дьявольский поворот был вполне в духе графа.

Не видя иного выхода, я закричал:

– Заприте дверь, я подожду до утра! – и закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы горечи.

Взмахом могучей руки граф захлопнул дверь и со скрежетом задвинул засовы...

Мы молча вернулись в библиотеку, пару минут спустя я уже был у себя в комнате. Когда я выходил из библиотеки, граф послал мне воздушный поцелуй; в глазах у него горел красный огонек триумфа, а на губах играла улыбка, которой мог бы гордиться Иуда в аду.

Я собирался уже лечь, но мне вдруг послышался шепот у двери спальни. Я тихо подошел к ней, прислушался и различил голос графа:

– Назад, на место! Ваше время еще не наступило. Ждите! Имейте терпение! Завтрашняя ночь будет ваша!

В ответ раздался тихий серебристый смех. Вне себя я распахнул дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих губы; при виде меня они с отвратительным хохотом убежали...

Я вернулся в комнату и бросился на колени. Неужели близок конец? Завтра! Завтра! Господи, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром. Возможно, последний раз пишу свой дневник. Проснулся перед рассветом. И вновь опустился на колени – помолиться и собраться с духом перед смертью.

По едва ощутимой перемене в атмосфере я почувствовал, что наступило утро. Раздался долгожданный крик петухов, опасность миновала. Я радостно поспешил вниз: своими глазами видел, что входная дверь не заперта – значит, можно бежать. Трясущимися от нетерпения руками снял цепи, отодвинул тяжелые засовы. Но дверь не подалась. Меня охватило отчаяние. Вновь и вновь я пытался открыть дверь и так дергал ее, что она дребезжала, несмотря на свою массивность. Замок был заперт. Видимо, уже после того, как я расстался с графом.

Безумное желание любой ценой раздобыть ключ овладело мною, я решил вновь карабкаться по стене и проникнуть в комнату графа. Он мог убить меня, но теперь смерть казалась мне лучшим исходом. Не медля, я бросился к восточному окну и, цепляясь за каменные выступы, прополз по стене. Как я и ожидал, в комнате графа никого не было. Но не было там и ключа, лишь по-прежнему тускло мерцала груда золота. Через дверь в углу комнаты я спу-

стился по винтовой лестнице, по темному коридору прошел в старую часовню. Теперь я знал, где искать это чудовище.

Большой ящик стоял на том же месте у стены, но был накрыт крышкой – с приготовленными гвоздями, оставалось только вколотить их. Я снял крышку и поставил ее к стене. И тут я увидел нечто, наполнившее меня ужасом до глубины души, – наполовину помолодевшего графа: его седые волосы и усы потемнели, щеки округлились, под кожей просвечивал румянец, губы стали ярче прежнего, на них еще сохранились капли свежей крови, стекавшей по подбородку. Даже его пылающие глаза, казалось, ушли в глубь вздувшегося лица, ибо веки и мешки под глазами набрякли. Такое впечатление, будто это чудовище просто лопалось от крови. Он был как отвратительная пресытившаяся пиявка.

Дрожь и отвращение охватили меня, когда я наклонился к нему в поисках ключа – другого выхода у меня не было: передо мной маячила реальная возможность грядущей ночью стать жертвой пиршества трех кошмарных ведьм. Я обыскал тело, но ключа не нашел. Прекратив поиски, еще раз взглянул на графа. На его раздувшемся лице играла насмешливая улыбка, она просто вывела меня из себя. И этому монстру я помогал перебраться в густонаселенный Лондон, где, возможно, в течение веков он будет упиваться чужой кровью и расширять круг вампиров!

От этой мысли в голове у меня помутилось. Мне безумно захотелось избавить мир от этого чудовища. Под рукой у меня была только лопата, которой пользовались рабочие, насыпая в ящик землю. Я размахнулся и нацелил ее острый край прямо в ненавистное лицо. В этот момент граф повернул голову и посмотрел в мою сторону взглядом василиска³⁴, который буквально парализовал меня. Зато лопата вдруг словно ожила и, пытаясь уклониться от своей цели, едва не выпрыгнула у меня из рук – однако, хоть и вскользь, она задела графа и, оставив глубокую метину на его лбу, бессильно упала поперек простертого тела; схватив ее, я задел крышку, которая рухнула на ящик и скрыла от меня чудовище. В последний миг передо мной мелькнуло вздутое, окровавленное, злорадное лицо, место которому на дне преисподней.

Я ломал голову, что же мне делать дальше, мозг мой просто плавился от напряжения, отчаяние нарастало. Через некоторое время я услышал сначала вдалеке, а потом все ближе веселую песню, поскрипывание тяжелых колес и звонкие щелчки кнутов – это были цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув последний раз на ящик с мерзким телом, я побежал в комнату графа, рассчитывая улучшить момент, когда откроют входную дверь, и выбраться на волю.

Напряженно вслушиваясь, я наконец различил скрежет ключа – открылась тяжелая дверь. Какой-то другой вход, и у кого-то был от него ключ. Затем прозвучал и затих отозвавшийся эхом топот ног. Я решил бежать вниз в часовню: похоже, именно там находится еще один вход, но в это мгновение от сильного сквозняка дверь на винтовую лестницу так хлопнула, что в комнате поднялась пыль. Я бросился к двери, но не смог ее открыть. Вновь я пленник, петля судьбы стягивается вокруг меня.

Пишу, а внизу слышен топот ног и грохот бросаемых на пол тяжестей, должно быть, нагруженных землею ящичков. Застучал молоток – ящики забивали гвоздями. Потом – тяжелые шаги по направлению к выходу. Хлопнула дверь, звякнули цепи, проскрежетал ключ в замке; слышно, как ключ вытащили, открылась и закрылась другая дверь, громыхнул засов, скрипнул замок...

По двору и каменистой дороге покатались тяжелые колеса, защелкали кнуты, зазвучала и стала удаляться цыганская песня.

³⁴ ...посмотрел в мою сторону взглядом василиска... – Василиск – мифологическое животное, ужасный взгляд которого поражал даже летящую птицу. Плиний описывал василиска как змею с короной на голове, позднейшие трактаты – полупетухом-полужабой. В 1587 г. варшавяне безуспешно преследовали существо, убившее двух девушек, которое они сочли василиском. (прим. переводчика)

Я один в замке с этими ужасными женщинами. Типун мне на язык! Какие же это женщины? Вот Мина – женщина, у нее с этими кровопийцами ничего общего. Это же бесы преисподней! Попытаюсь еще ниже спуститься по стене замка. Возьму с собой немного золота на всякий случай, вдруг выберусь из этого ужасного места. А там – домой! Ближайшим и самым скорым поездом! Прочь от этого кошмара, от этой проклятой страны, где обитает дьявол со всем своим отродьем!

Предамся Божьей милости, лишь бы не попасть в руки этих монстров. Конечно, пропасть глубока, но, по крайней мере, на дне ее человек может упокоиться как человек. Прощайте все! Мина!

Глава V

ПИСЬМО МИСС МИНЫ МЕРРЕЙ К МИСС ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 мая

Моя дорогая Люси!

Прости, что долго не писала – была просто завалена работой. Жизнь учительницы порой очень утомительна. Скучаю по тебе и морю, на берегу которого так легко откровенничать и строить воздушные замки. Последнее время усиленно занимаюсь стенографией. Когда мы с Джонатаном поженимся, хочу ему помогать, он сможет диктовать мне, а я потом буду перепечатывать записи на машинке – я и этим сейчас много занимаюсь. Мы с ним иногда пишем друг другу письма стенографией, даже свой дневник поездки за границу он ведет стенографически. Вернувшись, я собираюсь тоже вести дневник; конечно, не занудные записи по принципу «хочешь не хочешь, а два раза в неделю пиши и уж в воскресенье непременно хоть что-то да высоси из пальца». Я буду вести его по настроению. Не думаю, что он будет интересен другим, разве что Джонатану, и то не всегда, но это хорошее упражнение. Попробую, как журналистки, записывать разговоры на интересующие меня темы. Меня уверяли, что после небольшой практики человек может в мельчайших деталях воспроизвести все, что происходило за день. Впрочем, поживем – увидим. О своих планах расскажу при встрече. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он здоров и вернется через неделю. Умираю от нетерпения услышать его рассказы. Как интересно видеть другие страны! Удастся ли когда-нибудь нам – Джонатану и мне – вместе побывать в них! Часы быют десять. До свидания! Любящая тебя Мина.

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты уже давно мне ничего не пишешь. До меня доходят слухи о тебе и каком-то высоком красивом кудрявом молодом человеке???

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

Чэтем-стрит, 17, среда

Дорогая моя Мина!

Ты очень несправедлива ко мне: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было лишь вторым. Кроме того, мне нечего сообщить тебе. Поверь мне, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе сейчас очень приятно. Мы часто посещаем картинные галереи, ходим на прогулки, катаемся верхом в парке. Что касается высокого кудрявого молодого человека, наверное, это тот, кто был со мною на последнем концерте. Судя по всему, кому-то захотелось посплетничать. Этот молодой человек – мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, подружился с мамой, они очень любят поговорить друг с другом. А недавно мы познакомились с человеком, который, по-моему, ну просто создан для тебя, если бы ты не была помолвлена с Джонатаном. Он – прекрасная партия, хорош собой, богат, из достойной семьи. По профессии он доктор и на редкость умен. И представь себе! Ему всего двадцать девять лет, а в его ведении находится большая психиатрическая больница. Познакомил нас мистер Холмвуд, и теперь его друг часто бывает у нас. Мне кажется, он очень решительный человек, с огромным самообладанием. Он производит впечатление абсолютно невозмутимого человека. Легко представить себе, какое благотворное воздействие он оказывает на своих пациентов. У него довольно необычная манера смотреть человеку прямо в глаза, как будто он старается прочесть чужие мысли. Довольно часто он проделывает это со мной,

и я лыщу себя надеждой, что ему попался крепкий орешек. Меня убедило в этом мое зеркало. Пробовала ли ты когда-нибудь посмотреть на себя со стороны? Я попробовала и должна сказать, что результат неплохой. По словам доктора, я представляю собой интересный психологический тип, и, при всей своей скромности, думаю, что он прав. Как ты знаешь, меня не очень интересуют наряды, поэтому ничего не могу сообщить тебе о новых модах. Нарядиться – это такая скучища. Ну вот, опять «словечко» – не обращай внимания, Артур все время так говорит. Да... пожалуй, скрывать бесполезно. Мина, мы с детстваверяли друг другу все свои секреты, вместе спали, ели, смеялись и плакали, а теперь, раз уж я проговорила, хочу сказать тебе все до конца. Мина, ты уже догадалась? Да, да, я люблю его. Краснею, когда пишу тебе это: думаю, что и он любит меня, хотя еще мне этого прямо не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Люблю! Я люблю его!

Ну вот, мне стало легче. Дорогая моя, как бы мне хотелось быть с тобой, сидеть по-домашнему у камина, совсем как прежде, и тогда я попыталась бы объяснить тебе, что чувствую. Не понимаю, как я смогла написать об этом, даже тебе. Боюсь перечитывать письмо, а то еще чего доброго порву – нет, перечитывать не буду, не хочу останавливаться, очень хочется сказать тебе все. Отвечай мне не медля и откровенно. Спокойной ночи, Мина. Помолись за меня, за мое счастье.

Люси

P. S. Думаю, не нужно предупреждать тебя, что это тайна. Еще раз спокойной ночи.

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

24 мая

Дорогая моя Мина!

Спасибо, спасибо, еще и еще раз спасибо за твое теплое письмо. Так приятно все рассказать тебе и получить такой сердечный отклик.

Дорогая моя, то пусто – то густо. Как верны старые пословицы! В сентябре мне будет двадцать лет, и до сегодняшнего дня мне ни разу не делали предложения, а сегодня – сразу три. Подумай только, три предложения в один день! И мне жаль, искренне жаль двух бедняжек. Мина, я так счастлива, что нахожусь в некоторой растерянности. И – три предложения! Но ради бога, не рассказывай никому из своих учениц – у них могут возникнуть всякие романтические идеи, и они почувствуют себя обделенными, если в первый же день их возвращения домой им не сделают, по крайней мере, шесть предложений. Девушки порой так тщеславны! Но мы-то с тобой, дорогая Мина, помолвлены и в скором времени собираемся стать здравомыслящими замужними женщинами, нам чужды тщеславие и суетность. Пожалуй, я должна рассказать тебе об этих трех предложениях, но, дорогая, сохрани это в тайне от всех, разумеется, кроме Джонатана. Ему ты, наверно, расскажешь; будь я на твоём месте, конечно, рассказала бы Артуру. Женщина должна рассказывать своему мужу все – ты согласна со мной, дорогая? Мужчинам нравится, когда женщины, и прежде всего их жены, так же честны, как они сами, хотя, боюсь, в жизни не всегда так бывает. Итак, дорогая моя, слушай...

Первый пришел перед обедом. Я писала тебе о нем – это доктор Джон Сьюворт, психиатр. У него такой сильный подбородок и замечательный лоб. Выглядел доктор как обычно, но я заметила, что он нервничает: чуть было не сел на свой цилиндр, хотя рассеянным его не назовешь, а в спокойном состоянии такое обычно не случается; потом, желая показать, что ничуть не смущен, он начал так играть откуда-то взявшимся у него ланцетом, что напугал меня. Он сказал мне все прямо и открыто: как, несмотря на недолгое знакомство, я стала ему дорога, какую радость и поддержку он находит во мне, как будет несчастлив, если я не отвечу на его чувства. Увидев мои слезы, доктор расстроился, назвал себя грубым, жестоким человеком,

просил извинить его – он ни в коем случае не хотел меня огорчить. Потом, помолчав, спросил: смогу ли я полюбить его со временем; я отрицательно покачала головой – у него задрожали руки. Люблю ли я кого-то другого? – спросил он после некоторого колебания, пояснив, что задает этот вопрос не из любопытства и ни в коем случае не злоупотребит моим доверием, но просто чтобы знать, есть ли надежда. Мина, я решила сказать ему правду. Выслушав меня, он встал и очень серьезно, взяв обе мои руки в свои, пожелал мне счастья и добавил, что, если мне когда-нибудь понадобится друг, я всегда могу рассчитывать на него. О Мина, дорогая, ты должна простить мне эти пятна на бумаге – следы слез, я не могу удержаться. Конечно, приятно выслушивать предложения, но совсем не приятно видеть человека, признавшегося тебе в любви, несчастным, – и вот он уходит от тебя с разбитым сердцем, и ты знаешь: что бы он ни говорил в этот момент, тебя в его жизни уже не будет. Дорогая моя, я должна сделать паузу – мне что-то очень нехорошо, хотя я так счастлива.

Вечером. Только что был Артур, и теперь у меня настроение лучше, чем утром, когда я прервала письмо. Расскажу, что же было дальше.

Итак, дорогая моя, номер Второй пришел после обеда. Это очень славный человек, мистер Квинси П. Моррис, американец из Техаса, он выглядит так молодо, что трудно поверить его рассказам о пережитых им приключениях и путешествиях по разным странам. Я хорошо понимаю бедную Дездемону, не устоявшую перед головокружительным потоком рассказов, пусть даже из уст мавра. Мне кажется, мы, женщины, – жуткие трусихи и выходим замуж, надеясь на то, что мужчина оградит нас от опасностей и страхов. Теперь знаю, что бы я делала, если б была мужчиной и хотела, чтобы девушка полюбила меня. Хотя нет, мистер Моррис рассказывал много интересных историй, а Артур – ни одной, и все же... Впрочем, дорогая моя, я несколько забегаю вперед. Мистер Моррис застал меня одну. Звучит как банальность. Кажется, будто джентльмен всегда застает девушку одну. Хотя это не так: Артур пытался поговорить со мной наедине, но, даже несмотря на мои старания – теперь я не стыжусь признаться в этом, – ничего не вышло. Сразу предупреждаю тебя: мистер Моррис очень хорошо воспитан и образован, однако увидев, что меня забавляет его американский жаргон, всякий раз, когда нет посторонних, которых мог бы шокировать, развлекает меня им. Мне кажется, дорогая, он сам придумывает эти свои смешные выражения: они так и слетают с его губ, о чем бы он ни рассказывал. Не уверена, смогу ли я сама говорить на таком жаргоне; не знаю, как к нему относится Артур – ни разу не слышала, чтобы он говорил на сленге. Итак, слушай дальше: мистер Моррис сел подле меня и держался, как всегда, весельчаком, хотя мне показалось, что он слегка не в своей тарелке. Он взял мою руку и очень нежно сказал:

– Мисс Люси, я знаю, что не достоин завязывать шнурки на ваших башмачках, но подозреваю, если вы будете ждать достойного вас мужа, то уподобитесь семи евангельским девам со светильниками³⁵. Так не взяться ли нам за руки и побрести по длинной дороге в одной упряжке, соединившись брачными узами?

Мистер Моррис выглядел таким добродушным и веселым, мне было гораздо легче отказать ему, чем бедному доктору Сьюворду. Я постаралась ответить ему с юмором, заметив, что совершенно не объезжена и потому пока не гожусь для упряжки. Тогда он очень серьезно сказал, что выразился слишком легкомысленно для такого важного дела и надеется получить прощение, если совершил ошибку. Я тоже невольно посерьезнела. Мина, ты сочтешь меня ужасной кокеткой, но, конечно, я была польщена этим, уже вторым за один день, предложением. Потом

³⁵ ...уподобитесь семи евангельским девам со светильниками. – Неточность: в Новом Завете упоминаются десять дев со светильниками: «Из них пять было мудрых и пять неразумных». Все десять, «взяв светильники свои, вышли навстречу жениху», но неразумные «не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих... в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу». Неразумные были отвергнуты женихом, тогда как мудрые «вошли... на брачный пир, и двери затворились» (Мф. 25: 1–10). (прим. переводчика)

не успела я и рта открыть, как он разразился целым потоком любовных признаний, сложив к моим ногам сердце и душу. Он был столь серьезен, что я никогда больше не буду думать, что веселые остроты всегда только беспечны и не способны на глубокое чувство.

Похоже, он что-то заметил в выражении моего лица, так как вдруг замолчал, а потом заговорил как настоящий мужчина, с таким чувством, что я, наверное, полюбила бы его, если б мое сердце было свободно:

– Люси, знаю, вы девушка с чистым сердцем. Я не сидел бы здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если б не был уверен, что вы смелая и до глубины души правдивая девушка. Скажите мне откровенно, как другу: есть ли у вас кто-то в сердце, кого вы любите? И если есть, я никогда вас больше не потревожу и останусь, если позволите, вашим верным другом.

Дорогая Мина, почему мужчины столь благородны, хотя мы, женщины, далеко не во всем достойны их? Ведь я только что едва ли не высмеяла этого великодушного, истинного джентльмена. Я заплакала... Боюсь, дорогая, это очень сентиментальное письмо, но у меня действительно тяжело на сердце. Ну почему девушка не может выйти замуж сразу за троих мужчин или за всех, что хотят на ней жениться, тогда не будет всех этих мучений! Но это ересь, мне не следует так говорить. Я рада, что хоть и заплакала, но все-таки сумела посмотреть прямо в глаза мистеру Моррису и откровенно сказать ему:

– Да, я люблю другого, хотя он сам еще не открыл мне своего сердца.

Я поступила правильно, искренне ответив ему, он как-то весь просветлел, взял меня за руки – кажется, я сама протянула ему их – и сердечно сказал:

– Вы – чудная девушка. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя завоевать сердце любой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Если вы расстраиваетесь из-за меня, то не волнуйтесь: я крепкий орешек и стойко перенесу неудачу. Но если тот малый, не подзревающий о своем счастье, еще долго будет недогадлив, ему придется иметь дело со мной. Милая девочка, ваша искренность и смелость сделали меня вашим другом, а друг, пожалуй, встречается еще реже, чем возлюбленный, и, по крайней мере, менее эгоистичен. Дорогая моя, мне предстоит довольно грустная прогулка в одиночестве, прежде чем я перейду в лучший мир. Прошу вас – один поцелуй! Воспоминание о нем будет озарять мою жизнь в самые мрачные мгновения. Вы можете позволить себе это, если, конечно, захотите, ведь тот, другой – а он, должно быть, замечательный человек, иначе вы бы его не полюбили, – еще не сделал вам предложения.

Этим мистер Моррис окончательно покорила меня, Мина, ведь это действительно очень мужественно, тонко и благородно для соперника, не правда ли? И притом он был такой грустный... Я наклонилась и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, посмотрел мне прямо в глаза – боюсь, я покраснела – и сказал:

– Милая девочка, вот ваша рука – в моей, вы поцеловали меня – какие еще могут быть залогом настоящей дружбы? Благодарю вас за вашу трогательную искренность, честность по отношению ко мне и... до свидания.

Мистер Моррис пожал мне руку, взял шляпу и вышел, не оглянувшись, без сантиментов и колебаний. Господи, ну почему такой человек должен быть несчастлив, когда вокруг столько девушек, способных оценить его и боготворить саму землю, по которой он ступает?! Я бы так и делала, если бы была свободна, но мне не хочется быть свободной. Дорогая моя, я так взволнована, что не могу писать тебе сейчас о своем счастье.

Всегда любящая тебя Люси

Р. S. Номер Третий – нужно ли писать о нем? Кроме того, все произошло так сумбурно; по-моему, не успел он войти в комнату, как сразу обнял и поцеловал меня. Я очень, очень счастлива и просто не знаю, чем заслужила это счастье. Мне остается лишь своей дальнейшей

жизнью доказать, как я благодарна Богу за Его доброту, за то, что Он послал мне такого возлюбленного, мужа и друга. До свидания.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(сохранилась фонографическая запись³⁶)

25 мая. Аппетита нет. Не могу есть, не могу расслабиться, не могу отдыхать, вместо этого – дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту в душе. Кажется, на свете нет ничего важного, ради чего стоило бы пошевелить хоть пальцем... Но я знаю, единственное лекарство – работа, поэтому отправился к больным. Долго провозился с одним необычным пациентом, его случай очень интересует меня, я хотел бы разобраться в нем. Сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к пониманию его тайны. Я замучил пациента вопросами, пытаюсь раскрыть причины его галлюцинаций. Теперь сознаю, что вел себя довольно жестоко. Я как будто намеренно все время наводил бедолагу на разговор о его состоянии, стараясь выявить источник странного безумия, хотя мое правило – как адских врат, избегать этого с пациентами.

(Примечание: а как в моей профессии избежать этих самых врат?) *Omnia Roma venalia sunt*³⁷. И ад имеет свою цену! *Verb. sap*³⁸. Если за состоянием моего пациента кроется что-то экстраординарное, имеет смысл тщательно наблюдать за ним. Начну не откладывая.

Р. М. Ренфилд, 59 лет. Сангвинического темперамента, физически очень сильный, болезненно возбудимый, страдает периодическими приступами депрессии, завершающимися навязчивой идеей, которую я не могу определить. Полагаю, сангвинический темперамент в сочетании с некими выводящими из душевного равновесия воздействиями приводит к умственному расстройству; потенциально опасен; порой поступает вопреки своим интересам. Эгоисты осторожны. Полагаю, если больной поглощен собой, сконцентрирован на себе, он менее опасен: центростремительная сила уравнивается центробежной; хуже, когда его представление о долге, великой миссии становится навязчивой идеей, тогда равновесие нарушается в сторону центробежных сил, и восстановить его может лишь случай или удачное стечение обстоятельств.

ПИСЬМО КВИНСИ МОРРИСА – ДОСТОПОЧТЕННОМУ³⁹ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

25 мая

Дорогой мой Арт!

Мы рассказывали байки у бивачных костров в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизских островах, пили за здоровье друг друга на берегах Титикаки⁴⁰. У нас найдется еще немало о чем порассказать друг другу, отыщутся новые раны

³⁶ ...фонографическая запись. – Фонограф – прибор для записи и воспроизведения звуков – был изобретен американцем Томасом А. Эдисоном в 1877 г., использовался в американской и английской медицине для записи историй болезни. (прим. переводчика)

³⁷ Все римляне продажны (лат.). Очевидно, доктор перефразирует историка Саллюстия (86 – ок. 35 до н. э.), писавшего в «Югуртинской войне» (гл. 35, абзац 10): «...если бы нашелся покупатель, город (Рим) был бы продан».

³⁸ Умному достаточно слова (лат.).

³⁹ Титул отпрысков английских пэров.

⁴⁰ Титикака – величайшее в мире высокогорное соленое озеро в Центральных Андах, на границе Перу и Боливии. (прим.

для врачевания, и есть за чье здоровье выпить. Так не соизволишь ли прибыть завтра к моему бивачному костру? Зову тебя без колебаний – мне известно, что некая леди приглашена завтра в гости, стало быть, ты будешь свободен. Нам составит компанию старый друг, с которым мы были в Корее, – Джек Сьюворт. Мы с ним вдвоем смешаем наши слезы с вином и от души выпьем за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим из сердец. Обещаем тебе сердечный прием и искренний праздник. Клянемся доставить тебя домой, если ты слишком увлечешься, когда будешь пить за известные тебе глаза. Жду тебя!

Неизменно твой Квинси Моррис

ТЕЛЕГРАММА КВИНСИ П. МОРРИСУ ОТ АРТУРА ХОЛМБУДА

26 мая. Обязательно буду. Есть новости, от них у вас зазвенит в ушах. Арт.

Глава VI

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

24 июля. Уитби⁴¹. Люси, встретившая меня на вокзале, выглядела еще лучше и красивее, чем обычно; мы поехали в дом на Кресент, где они остановились. Городок живописный. Речка Эск протекает по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долину пересекает виадук, сквозь его высокие арки открываются виды, кажущиеся более удаленными, чем в реальности. Долина утопает в зелени. Склоны ее столь круты, что с одной стороны видишь лишь противоположную, а чтобы заглянуть вниз, надо встать на самый край обрыва. Дома в старом городе – чуть в стороне от нас – крыты красными крышами и громоздятся друг над другом, как на видах Нюрнберга. На холме над городом виднеются руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами⁴², оно описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену⁴³. Руины величественные, монументальные и романтические. Существует легенда, что в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии⁴⁴. Между аббатством и городом находится приходская церковь, при ней большое кладбище с множеством памятников. По-моему, это живописнейшее место в Уитби: оно расположено над самым городом, и оттуда открывается прекрасный вид на гавань и бухту до мыса Кетленесс, уходящего далеко в море. Спуск в гавань отсюда так крут, что часть берега обвалилась, и некоторые могилы разрушились. В одном месте обломки памятников сползли с могил на песчаную дорожку. Во дворе церкви стоят скамьи, многие горожане проводят здесь целые дни, любясь прекрасным видом и наслаждаясь морским воздухом. Я сама буду часто приходить сюда и заниматься. Вот и сейчас пишу, пристроив тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих на моей скамейке. Они, кажется, дни напролет просиживают здесь.

Гавань расположена прямо подо мной; дальняя ее сторона представляет собою длинную гранитную стену, выступающую в море и загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот защищен капитальной дамбой. На ближней стороне гавани дамба резко поворачивает в противоположную сторону, и на ее конце тоже стоит маяк. Между двумя молами узкий проход в гавань, которая потом резко расширяется.

Во время прилива панорама особенно живописна, когда же вода спадает, остается только речушка Эск меж песчаных берегов да скалы, которые здесь повсюду. За гаванью виднеется большой утес, растянувшийся на полмили, его острая верхушка выступает из-за южного маяка. У подножия утеса стоит бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся ветром в плохую погоду. Местная легенда гласит: если корабль сбивается с курса, то в море слышится колокольный звон. Спрошу-ка об этом старика, идущего сюда...

Настоящий морской волк, все лицо испещрено морщинами, по его словам, ему почти сто лет, он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии еще во время битвы при Ватерлоо.

⁴¹ Курортный городок на северо-востоке Англии, на берегу Северного моря; рыболовный порт.

⁴² ...руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами... – Аббатство Уитби возникло на основе монастыря Стреншал, основанного в 658 г. королем Нортумбрии – Осви; весь этот край подвергся набегу датчан в 867 г. (прим. переводчика)

⁴³ ...описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену. – В поэме В. Скотта «Мармион» (1808) Констанс де Беверли, влюбившись в храброго, но вероломного рыцаря Мармиона, нарушила монашеский обет, и бенедиктинцы замуровали ее в стену аббатства Уитби (основано в 658 г.). (прим. переводчика)

⁴⁴ ... в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии. – Призрак святой Хильды, дочери аббата, основавшего монастырь. Согласно легенде, она показывается с лампой в особо темные, штормовые ночи в северных окнах аббатства, чтобы моряки не сбивались с пути. (прим. переводчика)

Думаю, большой скептик: когда я спросила его о колоколах в море и женщине в белом, старик ответил мне очень резко:

– Не стану грешить против истины, мисс. Все это дребедень. Не скажу, чтобы ничего такого и вовсе не было, но уж только не в мое время. Эти бредни хороши лишь для тех, кому делать нечего; вот они и мотаются сюда из Йорка и Лидса, чтобы лакомиться здесь копченой селедкой да чаем надуваться, а на уме – как бы по дешевке перехватить вещицу из гагата⁴⁵. Но вам, такой молодой и славной леди, это ни к чему. Диву даюсь, кому только охота сочинять такую чепуху, даже газеты такого не напишут, хотя там полно разных глупостей.

Думаю, старик знает немало интересного, и я попросила его рассказать что-нибудь о ловле китов в былые времена. Только он сел поудобнее, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть. Не без труда поднявшись, старик сказал:

– Пора возвращаться, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда чай остывает, а ведь мне нужно время, чтобы доковылять по этим чертовым ступеням до дома, – их так много! – а поесть я люблю вовремя, мисс.

И поспешно, насколько ему позволяли силы, мой старый морской волк засеменял, прихрамывая, по ступенькам. Ступеньки – характерная особенность местного пейзажа. Их много – сотни, они ведут из города вверх к церкви плавными поворотами – и так полого, что даже лошадь может легко подняться и спуститься по ним. Наверное, когда-то они вели к аббатству.

Пожалуй, и я пойду домой. Люси с матерью делают визиты, и, поскольку это визиты вежливости, я с ними не пошла. Но они, должно быть, уже дома.

1 августа. Я снова здесь, с Люси. У нас состоялся очень интересный разговор с моим старым знакомым и его приятелями. Он явно признанный оракул среди них и, думаю, в свое время был очень властным человеком. Никаких авторитетов этот человек не признает и всех ставит на место. Если он не может доказать им свою правоту, то грубо поносит, а потом принимает их молчание как согласие.

Люси выглядит милой в белом батистовом платье; она здесь похорошела, у нее чудный цвет лица. Я заметила, что старички не упускают случая и тут же подсаживаются к ней, как только мы приходим на церковный двор. Она любезна с пожилыми людьми и сразу покоряет их. Даже мой старый морской волк не устоял и не перечил ей, зато мне попало вдвойне – я завела разговор о легендах, и он разразился гневной тирадой. Постараюсь вспомнить ее и изложить:

– Какая глупость, чушь, и больше ничего. Призраки, привидения, тьфу! Духи, домовые... Чего только не напридумают, чтобы пугать детей и женщин. Пустое это! Выдумки попов все эти знаки да знамения! Крючкотворы сварливые! Шарлатаны бродячие! На месте им не сидится, только и знают, что ребятишек пугать да склонять людей ко всякой пакости. Как подумаю про это, так весь захожусь! И ведь мало им вранья в газетах, с амвона врут так, что уши вянут, а на могилах, погляди-ка, что пишут. Вон сколько памятников, и как они только не падают от вранья, которое высечено на них. Вот, пожалуйста: «Здесь покоится тело такого-то» и «Вечная память такому-то», но едва ли не половина могил пуста, а память эта самая не дороже понюшки табаку. Все это ложь, сплошная ложь – хошь про то, хошь про это! Свят! Свят! Это что же будет в день Страшного суда, как все подымутся со дна морского в саванах да потащут за собой памятники, дескать, вот мы какие; а ручонки-то у них от волнения дрожат, небось ослабли вовсе, столько в море-то лежать. Тут-то они плиточки свои и побросают...

Старик был так доволен и так лукаво поглядывал на своих закадычных дружков в расчете на одобрение, что я поняла: он «играет на публику» – и решила слегка подзадорить его:

⁴⁵ ...как бы по дешевке перехватить вещицу из гагата. – *Гагат*, или черный янтарь, – минерал, разновидность каменного угля, хорошо полируется, используется как украшение. Уитби славился как центр производства изделий из гагата. (прим. переводчика)

– О мистер Свейлз, это, наверное, неправда. Не может быть, чтобы половина могил была пуста!

– Как это неправда! Может, кое-какие и в порядке, а есть и такие, из которых выкапывали покойников, чтобы приукрасить – ведь некоторые считают, что бальзамирование сохраняет, как море. Но по большей-то части все это показуха, пшик... Вот вы, человек приезжий, сюда приходите и видите это кладбище... – Я кивнула, решив, что лучше согласиться, хотя не совсем понимала его сбивчивую речь. Поняла лишь – старик говорит что-то про церковь. А он продолжал: – Неужто вы и впрямь думаете, что под всеми этими камнями лежат покойнички, обряженные по всем правилам? – Я снова кивнула. – Ничуть не бывало! Пустые могилки, как табакерка старого Дана в пятницу вечером. – Он слегка подтолкнул локтем в бок одного из своих приятелей, и все рассмеялись. – О господи! Да как же иначе? Взгляните вон на ту, самую дальнюю – в том конце, прочтите надпись!

Я пошла туда и прочитала:

«Эдвард Спенслаф, убит пиратами у берегов Андреса в апреле 1854 г. в возрасте 30 лет».

Когда я вернулась, мистер Свейлз продолжал:

– Скажите на милость, кому это надо волочь мертвяка сюда? С Багамских-то островов! Как же, ищите его здесь, под этим камнем! Да я вам дюжину таких назову, чьи кости остались в морях Гренландии, во-он там. – И он показал на север. – Бог весть куда их занесло течением. А вон памятники к вам поближе. Своими молодыми глазками вы прочтете на них ложь, вон – мелкими буковками. Этот Брейтувейт Лоури – я знал его отца – погиб на «Живом» около Гренландии в двадцатом году; или Эндрю Вудхаус – утонул в тех же морях в тысяча семьсот семьдесят седьмом году, а Джон Пэкстон – у мыса Фарвеля годом позже; старый Джон Ролингс, чей дед плавал со мной, утонул в Финском заливе в пятидесятом. А ну как все они рванут в Уитби под звуки трубного гласа? Представляю себе, что за давка здесь будет, в точности как Ледовые побоища в старые добрые времена, когда мы дрались весь день до темноты и наши раны врачевало северное сияние.

Очевидно, это была какая-то местная шутка, потому что старик расхохотался после сказанного, а его дружки с удовольствием к нему присоединились.

– Но вы не совсем правы, – возразила я ему. – Вы исходите из того, что все эти несчастные или их души должны иметь с собой свои надгробные плиты в день Страшного суда. Вы считаете это обязательным?

– А на что еще нужны эти камни? Ответьте-ка мне, мисс!

– Для родственников, я думаю.

– Для родственников, вы думаете! – повторил он с презрением. – Какое же им удовольствие от того, что они знают: на плитах – вранье? Да вам любой местный подтвердит, что все эти надписи лгут. – И указал на каменную плиту у самых наших ног, рядом со скамейкой. – Прочтите вранье на этом камне.

Я со своего места не могла разобрать надпись – буквы были вверх ногами, – но Люси сидела поближе, она наклонилась и прочла: «Дорогой памяти Джорджа Кэнона. Умер, исполненный надежды на чудесное воскресение, 29 июля 1873 г. Упал со скалы в районе Кетленесса. Горячо любимому сыну от его скорбящей матери. Он был единственным ее сыном, а она – вдовой».

– Мистер Свейлз, пожалуй, я не вижу ничего забавного в этом! – прокомментировала Люси очень серьезно и даже несколько строго.

– Вы не видите ничего забавного! Ха-ха! Да вы просто не знаете, что «скорбящая мать» – настоящая мегера, она его ненавидела, потому что он был калекой – сильно хромотал, а он ненавидел ее и поэтому покончил с собой, чтобы она не получила страховку за него. Он снес себе полголовы выстрелом из старого мушкета, которым они распугивали ворон, однако на сей раз мушкет сработал наоборот – он привлек ворон, да еще мух. Вот так «любимый сын упал со

скалы». А что касается надежд на «чудесное воскресение», то я сам часто слышал, как он говорил о своей надежде попасть в ад, поскольку его мать так набожна, что наверняка попадет в рай, а ему бы не хотелось оказаться с ней в одном месте. Так что вы теперь скажете про эту плиту? – Он постучал своей палкой. – Это не ложь! Вот потеха будет Гавриилу, когда Джорди, запыхавшись, выберется на поверхность земли с надгробной плитой на горбу и предложит ее как свидетельство своей благопристойной кончины!

Я не знала, что и сказать на это, но Люси, встав с места, на свой лад повернула разговор:

– Ох, ну зачем вы все это рассказали нам? Это было мое любимое место, мне бы хотелось и впредь приходить сюда, теперь же оказалось – я сижу на могиле самоубийцы.

– Вам это никак не повредит, моя милая; а бедного Джорди, пожалуй, лишь порадует, что такая нарядная девушка сидит подле него. Вам никакого ущерба. Я ведь здесь почти двадцать лет, и ничего. Да пусть вас не беспокоит, лежит ли там кто-то или нет! Наступит Судный день – сами увидите, как потащут надгробные плиты да памятники, и местность обнажится, как жнивье. Часы бьют, я должен идти. Мое почтение, леди.

И старик заковылял прочь. А мы с Люси еще немного посидели; перед нами открывался такой прекрасный вид, что мы даже взялись за руки. Она еще раз рассказала мне все об Артуре и приближающейся свадьбе. У меня защемило сердце – от Джонатана уже месяц не было вестей.

Позднее. Я снова пришла на церковный двор, уже одна, очень расстроенная. Писем все нет и нет. Надеюсь, с Джонатаном ничего не случилось.

Часы пробили девять. Передо мной город, освещенный рядами огней, вытянувшихся вдоль реки Эск и ее излучины. Иногда мелькают отдельные огоньки. Слева все закрывает черная крыша соседнего с аббатством старого дома. Позади слышится блеяние овец на полях, а снизу раздается топот ослиных копыт. Оркестр на пирсе наяривает быстрый вальс, а позади него на набережной собралась Армия спасения⁴⁶.

Оркестранты друг друга не слышат, но я вижу и слышу и тех и других. Но где же Джонатан и помнит ли он обо мне? Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 июня. Чем больше вникаю в болезнь Ренфилда, тем любопытнее она мне кажется. У него особенно развиты такие черты характера, как эгоизм, скрытность, целенаправленность... – хотел бы я понять ее суть. Такое впечатление, будто у него есть какой-то четкий план, а вот какой – не знаю. Трогает его любовь к животным и насекомым, хотя порой она проявляется весьма курьезно, и тогда мне кажется, что он аномально жесток. Наклонности у него довольно странные. Например, теперь его любимое занятие – ловить мух. У него их сейчас столько, что я был вынужден сделать ему замечание и велел убрать их. К моему удивлению, это не привело его в ярость, как я ожидал, он воспринял замечание просто и серьезно. Подумав минуту, сказал:

– Вы можете дать мне три дня? Тогда я их уберу.

Конечно, я согласился. Но за ним нужен глаз да глаз.

⁴⁶ Армия спасения – религиозная филантропическая организация евангелического направления, основанная в 1865 г. в Лондоне Уильямом Бутом. По структуре напоминает армию: имеет офицеров и рядовых, все носят форму. (прим. переводчика)

18 июня. Теперь он занялся пауками. У него в коробке несколько больших пауков. Ренфилд кормит их мухами, количество которых заметно поубавилось, несмотря на то, что своей едой он специально приманивает мух со двора.

1 июля. Пауки стали такой же напастью, как и мухи, сегодня я предложил ему расстаться хотя бы с частью из них. Он с легкостью согласился, и я дал ему на это тот же срок. Ренфилд вызывает у меня сильное отвращение – во время нашего разговора в палату влетела жирная мясная муха, он поймал ее, несколько секунд рассматривал, а потом, прежде чем я сообразил, что он собирается делать, бросил ее в рот и проглотил. Я стал бранить его, но он спокойно возразил, что это очень вкусно, полезно и для него – источник жизненной силы. Это навело меня на мысль, точнее, дало импульс – проследить, как он будет избавляться от пауков. Очевидно, у него на уме что-то серьезное – он не расстанется с маленькой записной книжкой и часто делает в ней пометки. Страницы ее сплошь испещрены цифрами, в основном однозначными, которые Ренфилд складывает столбиком, полученные же результаты снова складывает, как будто, по выражению финансовых ревизоров, «подводит баланс».

8 июля. В его безумии есть некая закономерность, и у меня возникли кое-какие догадки. Возможно, они скоро оформятся в некую общую, еще смутную мысль, а уж затем... ох уж это мне мыслящее подсознание! Когда же наконец оно уступит дорогу своему брату – осознанному размышлению?

Уже несколько дней не виделся со своим «приятелем», так что при встрече сразу заметил перемены, которые за это время с ним произошли. В общем, перемены не бог весть какие, ну разве то, что он почти избавился от своих прежних любимцев и завел нового: умудрился поймать воробья и уже отчасти приручил его, прибегнув к своему испытанному и предельно простому способу. В итоге поголовье пауков значительно сократилось. Оставшиеся же особи хорошо откормлены – Ренфилд все еще добывает мух, приманивая их едой.

19 июля. Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целое семейство воробьев, от мух и пауков и следа почти не осталось. Когда я вошел в палату, Ренфилд бросился ко мне и стал просить меня о большом одолжении – об очень, очень большом одолжении! – при этом ластился ко мне, как собака. Я спросил его, что ему нужно, и он ответил с каким-то упоением:

– Котеночка, такого маленького, хорошенького, гладкого, игривого котеночка, я буду с ним играть, учить его и кормить – кормить, кормить и кормить!

Его просьба не застала меня врасплох – я заметил: его любимцы быстро прогрессируют в размерах. Но я не хотел, чтобы чудное семейство ручных воробьев было уничтожено, подобно мухам и паукам. Поэтому я обещал ему подумать и спросил, не подойдет ли ему лучше кошка. Пыл, с которым он ответил, выдал его:

– О да, мне бы хотелось кошку! Я попросил котенка, боясь, что вы откажете мне в кошке. Но в котенке-то мне не откажут?

Я покачал головой, заметив, что сейчас, пожалуй, это невозможно, но обещал ему подумать. Лицо у него помрачнело, а в глазах вспыхнул сигнал опасности – неожиданно злобный взгляд искоса, таивший в себе жажду крови. У этого человека – потенциальная мания убийства. Попробую удовлетворить это его страстное желание завести кошку и понаблюдаю за результатом. Возможно, тогда ситуация прояснится.

10 часов вечера. Я вновь зашел к нему. Он сидел в углу в раздумье. Увидев меня, бросился на колени, умоляя разрешить ему завести котенка, и уверял, что от этого зависит его выздоровление. Однако я был непреклонен; тогда он молча вернулся в угол, сел и стал грызть ногти. Зайду посмотреть на него с утра пораньше.

20 июля. Навестил Ренфилда рано утром, до обхода служителя. Он уже встал, мурлыкал какую-то мелодию и сыпал на подоконник сахар, который сберег, чтобы ловить мух; он делал это весело, с удовольствием. Я огляделся и, не увидев его птиц, спросил, где они. Не оборачиваясь, он ответил, что улетели. В комнате валялось несколько перьев, а на подушке я заметил пятнышко крови. Я ничего не сказал, но, уходя, поручил служителю сообщить мне, если в течение дня с Ренфилдом произойдет что-то необычное.

11 часов утра. Только что ко мне зашел служитель, который сообщил, что Ренфилду было очень плохо, его рвало перьями.

– По-моему, доктор, – сказал служитель, – он съел своих птиц – просто брал и глотал их живьем!

11 часов вечера. Дал Ренфилду сильную дозу снотворного, он заснул, а я решил заглянуть в его записную книжку. Брезжившая в моем мозгу догадка окончательно оформилась, гипотеза подтвердилась: я имею дело с маньяком – убийцей особого рода. Мне придется ввести новую классификацию для него – маньяк-зоофаг (пожирающий все живое); мой пациент одержим желанием поглотить как можно больше жизней – по восходящей: пауков он кормил мухами, птиц – пауками, птицы же были предназначены на прокорм кошки. Каковы были бы его следующие шаги? Возможно, эксперимент стоит продолжать. Однако пойти на такой риск можно, только имея достаточно оснований. Опыты на животных осуждают, но посмотрите сегодня на результаты! А как развивать самую сложную область науки – познание мозга? Знай я тайну церебрального механизма, подбери я ключ к фантазиям хотя бы одного сумасшедшего, и мне бы удалось поднять эту область науки на такой уровень, по сравнению с которым физиология Бердон-Сандерсона⁴⁷ или учение о мозге Феррье⁴⁸ оказались бы просто пустым звуком. Лишь бы это было оправданно! Но не стоит много думать об этом, а то искушение слишком велико и, пожалуй, перетянет чашу весов, ведь, возможно, у меня самого мозг устроен как-то особо?

Как складно рассуждал Ренфилд! Ненормальные люди всегда кажутся вполне логичными в определенных пределах. Интересно, во сколько жизней он оценивает жизнь человека? Итог он подвел точно – закрыл счет, а сегодня начал все заново. Многие ли из нас способны каждый день открывать новый счет?

Еще вчера мне казалось, что рухнули все надежды и жизнь кончилась, но я все-таки открыл новый счет. И буду вести его до тех пор, пока Великий Судия, суммировав все и подведя баланс прибылей и потерь, не закроет счет в моем гротсбуке. О, Люси, Люси, я не могу сердиться на вас и своего друга, чье счастье стало вашим; я должен жить дальше, утратив всякую надежду, и работать. Работать! Работать!

Будь у меня стимул, такой же мощный, как у моего бедного безумца, – подлинный, бескорыстный источник, заставляющий работать, – это было бы воистину счастьем.

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

26 июля. Очень беспокоюсь, и единственное, что на меня действует успокаивающе, – это возможность высказаться в дневнике; мне кажется, я нашептываю кому-то что-то по секрету

⁴⁷ *Бердон-Сандерсон* (1828–1905) – физиолог, который вместе с Дж. Р. Пейджем впервые измерил электрические импульсы, излучаемые сердцем. (прим. переводчика)

⁴⁸ *Джеймс Ф. Феррьер* (1808–1864) – шотландский философ-метафизик, признававший единство познающего субъекта и познаваемого объекта, ввел в философию термин «теория познания». (прим. переводчика)

и одновременно внимаю своему шепоту. И конечно, стенографическая запись существенно отличается от обычных записей.

Меня тревожат Люси и Джонатан. Некоторое время Джонатан вообще ничего мне не писал – я сильно волновалась. Но вчера милый, добрый мистер Хокинс переслал мне письмо от него. Несколько дней тому, не выдержав неизвестности, я написала мистеру Хокинсу в надежде выяснить, нет ли вестей из Трансильвании, а он, оказывается, только что получил письмо Джонатана, в которое была вложена записка для меня. В ней лишь одна написанная в замке Дракулы строчка – он выезжает домой.

Что-то не похоже на Джонатана, не понимаю, в чем дело, но мне как-то не по себе. А тут еще Люси, хотя выглядит и чувствует себя хорошо, вернулась к своей привычке бродить во сне. Мы с ее матерью, обсудив это, решили запирать на ночь дверь нашей спальни. Миссис Вестенра вбила себе в голову, что лунатики непременно разгуливают по карнизам домов или по краю обрыва, а когда внезапно пробуждаются, то падают вниз с душераздирающим криком, который разносится по всей округе. Бедняжка, она боится за Люси, даже призналась мне, что это у нее наследственное – от отца, который часто вставал по ночам, одевался и выходил, если его не остановить.

Осенью у Люси свадьба, и она уже обдумывает, как все устроит в своем будущем доме. Я хорошо ее понимаю, сама мечтаю о том же, только нам с Джонатаном придется начать новую жизнь скромнее – нам будет трудно сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, точнее, почтенный сэр Артур Холмвуд, единственный сын лорда Годаминга, приедет сюда, как только сможет оставить Лондон: его отец нездоров. Милая Люси, наверное, считает часы до его приезда. Она хочет показать ему нашу скамейку на кладбищенском утесе и живописную панораму Уитби. Возможно, именно это ожидание и выбивает ее из колеи, но она поправится, как только приедет ее жених.

27 июля. Никаких вестей от Джонатана. Очень беспокоюсь за него, хотя не знаю почему. Ну хоть бы еще одну строчку от него! Лунатизм Люси прогрессирует, каждую ночь просыпаюсь оттого, что она ходит по комнате. К счастью, сейчас тепло – бедняжка не простудится, но постоянная тревога и вынужденная бессонница начали сказываться на мне. Я стала нервной, плохо сплю. Слава богу, хоть в остальном Люси здорова.

Мистера Холмвуда неожиданно вызвали в Ринг, их семейную усадьбу, – к отцу, который разболелся не на шутку. Встреча откладывается, и Люси переживает, но на ее внешнем виде это не сказывается. Она немного поправилась, на щеках появился нежный румянец, прежняя бледность прошла. Молюсь, чтоб все у нее было хорошо.

3 августа. Прошла еще неделя – никаких вестей от Джонатана, даже у мистера Хокинса. Надеюсь, он здоров, иначе наверняка бы написал. Перечитываю его последнее письмо, и сомнения одолевают меня. Письмо как-то непохоже на Джонатана, хотя, несомненно, почерк его. Люси на этой неделе спала довольно хорошо, гуляла по ночам мало, но с ней происходит что-то странное, совсем непонятное мне. Она как будто следит за мной даже во сне, пытается открыть дверь и, обнаружив, что она заперта, ищет ключи по всей комнате.

6 августа. Прошло еще три дня, никаких известий. Неопределенность пугает меня. Если б знать, куда писать или ехать, было бы легче. Но никто ничего не знает о Джонатане после его последнего письма. Дай бог терпения. Люси еще более возбуждена, чем прежде, но в остальном вполне здорова. Вчера ночью погода испортилась, рыбаки говорили, что будет шторм. Очень хочется увидеть разбушевавшуюся стихию и научиться угадывать погоду по разным признакам.

Сегодня серый день. Пока я пишу, солнце скрылось за большими тучами где-то высоко над Кетленессом. Все стало серым, кроме зеленой, как изумруд, травы, – серый землистый утес, сквозь серые облака из-за дальней кромки лишь слегка просвечивает солнце, серое море, к которому тянутся песчаные отмели, как серые пальцы. Море окутано надвигающимся туманом, волны с ревом накатываются на отмели. Вокруг безбрежье, горизонт тонет в сером тумане, тучи громоздятся, словно исполинские скалы, а над морем предвестием неотвратимого рока навис зловещий гул. На берегу сквозь пелену тумана виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья»⁴⁹. Рыбачьи лодки спешат домой, в гавань, и то появляются, то исчезают в волнах прибоя. Вот идет мистер Свейлз. Старик направляется прямо ко мне, и по тому, как он здорывается, приподнимая шляпу, вижу – ему необходимо поговорить со мной... Меня тронула перемена в нем. Сев подле меня, он заговорил очень мягко:

– Мне хочется кое-что сказать вам, мисс.

Ему было явно неловко, поэтому я взяла его старческую морщинистую руку и попросила не смущаться и говорить откровенно; не отнимая руки, он сказал:

– Боюсь, дорогая моя, я напугал вас на прошлой неделе ужасами о мертвецах. Это не входило в мои намерения, и мне хотелось, чтобы вы узнали об этом, пока я еще жив. Мы, старики, глупые – уже одной ногой в могиле, а все стараемся не думать об этом, но и грех на себя брать не желаем; вот и решил я с вами объясниться, душу облегчить. Но, видит бог, мисс, я не боюсь смерти, совсем не боюсь, просто неохота умирать, но ничего не поделаешь. Мой конец уже близок, я стар, сто лет – мало кто на такое рассчитывает. Знаю, старуха уже точит свою косу. Видите, никак не могу избавиться от дурной привычки сетовать, все ропщу и ропщу. Скоро уж ангел смерти вострубит надо мною. Но не нужно горевать, милая! – воскликнул старик, заметив, что я плачу. – Если даже сегодня ночью он придет ко мне, я готов откликнуться на его зов. Жизнь-то ведь наша и есть только ожидание чего-то большего, чем наша суета, а смерть – она неминуема, она-то не обманет. А я и рад, уважаемая, что она приближается, вот-вот нагрянет. Сидим мы тут и любимся, а она уж на подступах. Может, этот ветер с моря несет с собой погибель, и горе, и печаль. Правда, правда! – вдруг закричал он. – Смертью пахнуло. Я чувствую ее приближение. Дай бог мне силы стойко встретить ее!

Старый моряк благоговейно простер руки к небу и снял шляпу. Губы его шевелились, будто в молитве. Помолчал несколько минут, потом встал, пожал мне руку и благословил. Попрощавшись, он, прихрамывая, пошел домой. Я была растрогана и огорчена.

Появился охранник береговой службы с подозрительной трубкой под мышкой, я обрадовалась, увидев его. Он, как обычно, остановился поговорить со мной, но при этом глаз не сводил с какого-то странного корабля.

– Не могу понять, что за судно, – заметил он. – По виду – русское. Как-то чудно его бросает из стороны в сторону. Похоже, капитан не может решить, как быть; видит – надвигается шторм, но не знает, то ли идти на север, в открытое море, то ли войти в бухту. Вот опять, смотрите! Шхуна как будто вовсе не слушается руля – с каждым порывом ветра меняет направление. И дня не пройдет, как мы еще услышим о ней...

⁴⁹ ...виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья». – Мина цитирует Евангелие (Мк. 8: 22–24): «Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья». (прим. переводчика)

Глава VII

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИГРАФ»

ОТ 8 АВГУСТА

(приложенная к дневнику Мины Меррей)

*От собственного корреспондента
Уитби*

Неожиданно разразившийся шторм имел необычные, уникальные в своем роде последствия. Жара в тот день была вполне обычной для августа. В субботу вечером стояла прекрасная погода, в живописных окрестностях Уитби – Малгрей-Вудс, бухте Робин Гуда, Риг-Милл, Рансвик, Стейтес – было много отдыхающих. Пароходики «Эмма» и «Скарборо» сновали вдоль побережья, перевозя многочисленных пассажиров. День был чудесный до обеда, потом завсегдатаи Восточного утеса у кладбища, откуда открывается широкий обзор моря на север и восток, обратили внимание на появившиеся высоко в небе на северо-западе перистые облака, предвещающие дождь. Дул слабый юго-западный ветерок, обозначаемый на барометре «№ 2: легкий бриз». Охранник береговой службы немедленно сообщил об этом, а один старый рыбак, более полувека наблюдавший с Восточного утеса за переменами погоды, предсказал – и очень взволнованно – внезапный шторм.

Закат был так великолепен среди величественных нагромождений облаков и туч разной окраски, что целая толпа собралась на утесе у кладбища, чтобы полюбоваться их красотой. Заходящее солнце начало клониться за темную линию Кетленесса, четко вырисовывавшегося на фоне неба, и окрасило облака в самые разнообразные цвета – огненный, багряный, розовый, зеленый, лиловый, все оттенки золота; кое-где виднелись небольшие, разной и четкой формы островки абсолютной черноты. Это зрелище не могло оставить равнодушными художников, и, несомненно, в следующем мае на выставке в Королевской академии искусств появятся зарисовки «Перед штормом».

Многие капитаны тогда решили не покидать гавань, пока не пройдет шторм. Вечером ветер совсем стих, к полуночи воцарились штиль, духота и гнетущее предгрозовое напряжение. На море было мало огней – несколько береговых судов, рыбацьи лодки да иностранная иххуна, под всеми парусами двигавшаяся на запад. Безрассудная отвага или полное невежество капитана и его помощников стали темой для пересудов. Пока она находилась в поле зрения, пытались подать им сигнал, чтобы они спустили паруса ввиду приближающейся опасности. До самого наступления темноты ее видели мягко покачивающейся на волнах с бессмысленно развевающимися парусами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.